

«ЧЕРКЕССИЯ: историко-этнографические статьи»,

Л.Я. Люлье,

«Материалы для истории черкесского народа»,

Северо-Кавказский филиал традиционной культуры

М.Ц.Т.К. «ВОЗРОЖДЕНИЕ», 1990 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. Общий взгляд на страны занимаемые: Черкесами (Адыге), Абхазцами (Азегга) и др. смежными с ними.
2. О Натухажцах, Шапсугах и Абадзехах.
3. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов.
4. Учреждения и народные обычаи Шапсугов и Натухажцев.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Издаваемые Обществом Изучения Адыгейской Автономной Области историко-этнографические статьи Леонтия Яковлевича Люлье, написанные ими в первой половине XIX века, впервые были помещены в «записках Кавказского Отдела Русского Географического Общества», а именно: в книге IV, издания 1857 г., были помещены две статьи, первая «Общий взгляд на страны, занимаемые Черкесами (Адыге), Абхазами (Азегга) и другими смежными с ними» и вторая «О Натухажцах, Шапсугах и абедзехах»; в книжке V, издания 1862 г., «Верование, религиозные обряды и предрассудки у черкесов» и в книжке VII, издания 1866 г. «Учреждения и народные обычаи Шапсугов и Натухажцев».

Статьи Л. Я. Люлье представляют собою весьма полное, целое. Из всех известных деятелей первой половины XIX века по собиранию, этнографических сведений в земле Шапсугов, Натухажцев и Абадзехов, можно сказать, только один Л. Я. Люлье обладал счастливой возможностью делать непосредственные расспросы и подмечать подробности быта на месте, в самый разгар жизни этих племен. Положительно можно сказать, что для определения этнографических особенностей этих племен труд Л. Я. Люлье будет служить лучшим источником и исходной точкой сравнительного их изучения.

В первой статье «Общий взгляд на страны, занимаемые Черкесами (Адыге), Абхазцами (Азегга) и др.», Люлье определяет разделение этих племен на отрасли с обозначением географического положения местожительства каждого из них, сообщает предания о времени их появления на Кавказе; входит в критическую оценку известий об этих племенах, сообщаемых различными лицами; несколько догадок о происхождении, как этих племен, так и соседних с ними убыхов; язык трех поколений.

Вторая статья «О Натухажцах, Шапсугах и Абадзехах» указывает местожительство Натухажцев, и Шапсухов до образования их самобытности; местожительство Абадзехов; сословия, существовавшие у всех трех племен, народное и юридическое управление.

Третья статья «Верование, религиозные обряды и предрассудки у черкесов» знакомит с божествами, созданными народами, совершаемыми в честь их празднествами; с гаданием, верой черкесов в существование колдунов и знахарей.

Четвертая статья «Учреждения и народные обычаи Шапсугов и Натухажцев» — посмертный труд — Люлье излагает сущность бывшего у Шапсугов и Натухажцев судоустройства и судопроизводства.

Все эти статьи, несмотря на свою краткость, составляют весьма драгоценный историко-этнографический материал, собранный правдивым и обладающим огромным запасом сведений наблюдателем, прожившим более пяти лет среди черкесских племен и изучившим их язык, что придает огромное преимущество его труду перед другими.

Кроме указанных трудов, имеется статья Л. Я. Люлье «О торговле с горскими племенами на Кавказе на северо-восточном берегу Черного моря, помещенный в «Закавказском Вестнике за 1842 год №№ 13—16, а также отдельно им-же составлен словарь русско-черкесский или Адыгейский с краткой грамматикой сего последнего языка, изданный в городе Одессе 1846 г, словарь этот с грамматикой по поручению Петербургской Академии Наук был передан для рассмотрения ординарному академику Шегрену, известному своими учеными филологическими трудами вообще и занимавшемуся лингвистикой горских народов, который отозвался о нем как о заслуживающем признательность и уважение.

Словарь этот и краткая грамматика и до ныне не потеряли ценности и являются также, как и все труды Л. Я. Люлье библиографической редкостью.

В предисловии к своему словарю Люлье сообщает, что он, состоя на службе ведомства министерства иностранных дел, по поручению российского правительства, прожил несколько лет сряду в Черкессии, находившейся в то время в войне с Россией и только произошедший политический переворот в крае заставил его выехать оттуда. Л.Я. Люлье состоял действительным членом Кавказского отдела Русского Географического Общества и умер в 1862 году.

Помещенные в настоящем издании иллюстрации к статьям Люлье предоставлены Адыгейским областным историко-этнографическим музеем и представляют собой фотографии с рисунков из трудов 1) Bell, Journal d'une residence en Circassie pendant les annees 1837, 1838 et 1839, Paris 1841. (Законодательный съезд черкесов в местности Геч) и 2) из труда Voyage en Circassie fait en 1818., par Taitout de Marigny Bryx 1821 (черкесское жертвоприношение).

*Правление Общества изучения Адыгейской автономной Области
и Адыгейский областной историко-этнографический музей*

Общий взгляд на страны, занимаемые Черкесами

(Адыге), Абхазцами (Азегга) и другими смежными

с ними горскими народами.

Некоторые писатели, исследовавшие Кавказ, разделили жителей его на столько отдельных народов, сколько им представилось отдельных племен и их названий. В последнее время понятия наши об этой стране сделались более ясными; но нельзя еще сказать, чтобы они были точны и совершенны. В особенности сведения о народах, известных под названием Черкесов, требуют пояснений.

Не знаю почему, но мы привыкли все племена, населяющие северную покатость кавказских гор, называть черкесами, между тем как они называют себя *Адыге*. С племенами Адыге граничат еще называющиесяся *Азегга*, т.е. Абазинские племена и другие. Постараюсь изложить некоторые сведения, касающиеся племен Адыге и Азегга.

I.

Адыге или Черкесское племя.

Оно состоит из следующих отраслей:

I. Абадзех

II. Шапсуг

- III. Надкуадж
- IV. Кабертай
- V. Бесленей
- VI. Мохошь
- VII. Кемгуй
- VIII. Хатюкай
- IX. Бзедуг
- X. Жан

Не лишним будет упомянуть о племенах Адыге, коих самобытность прекратилась. Они следующие:

1) *Чёбсин*. Оно совершенно слилось и вошло в состав Натухажского народа. Одна из долин восточного берега Черного моря — пепелище этого племени, сохранило его имя и поныне¹. Между Натухажцами проживает потомок их владетельного дома, князь Бастоко Пшимаф, без всякой власти и преимуществ, присвоенных его происхождению².

2) *Хегайк*. Большое некогда племя, занимавшее окрестности кр. Анапы, где теперь живут Натухажцы в котловине Чехурай. Истребленные войною и окончательно чумою в 1812 году, и будучи не в состоянии, по малочисленности своей, сохранить самобытность, Хегайки совершенно слились с Натухажцами³.

3) *Хетук* или Адале. Они жили на полуострове Тамани до занятия его войском черноморским, и потому-то Татары прозвали их «Адале», что значит на татарском языке островитянин. Предания о происхождении их неясны: некоторые причисляют их к корню Адыге, а другие к корню Азеге; но будучи окружены с одной стороны Татарами, а с другой Черкесами, они потеряли свою народность. Несколько семейств рассеяны между Натухажцами, а ничтожные остатки этого племени проживали в последнее время в 30 верстах от Тамани, в дер. Ада, будучи перемешаны в ней с Ногайцами, Татарами и выходцами из гор — Черкесами.

Знаменитый Паллас, во втором путешествии своем, упоминает еще о Тубах (Tubi), которых он смешивает с Абадзехами и Убыхами (Abadseches et Ubichs)⁴. — Туб есть название не племени, а местности, находящейся на верховьях абадзехской земли и населенной этим племенем; Убыхи же в отношении Абадзехов живут за хребтом.

Географическое положение земель, занимаемых Адыгскими племенами следующее:

*I. Абадзех*⁵ — Это племя занимает места на северном склоне Кавказского хребта в долинах, по коим протекают следующие речки⁶, впадающие в Кубань (Пшиз)⁷.

- 1) Схагуаше или Белая речка с притоками: а) Курджипсе, б) Пчеха, с) Пхаць, d) Тфисепс.
- 2) Лаба с притоками: а) Псизюе (Малая Лаба)⁸, б) Шегипсинь (Чохраге), с) Хагур (Ходзь), d) Фарз.
- 3) Пшишь с притоками: а) Март, б) Пчас (Пчаг).
- 4) Псекупсе с притоками: а) Дюсь, б) Цаок, с) Чибий.
- 5) Вуанобат (Вонобат).

¹ Чёбсин, Вулан на прежних картах, был занят в 1837 году генерал-лейтенантом Вельяминовым и на этом месте построено укр. Михайловское, взорванное на воздух в 1840 году капитаном Лико. когда горцы его осаждали.

² Бастоко жил в последнее время близ Новороссийска, в чине поручика.

³ Г. Дюбуа ошибочно показал: Tableau comparatif des noms donnees aux tribus Tscherkesses etc. Tom 1. pag. 64. Chegaki, comme tribu existante en 1838 et forte de 20 m. habitans.

⁴ Edition de Paris 1811. T. 2. pag. 116 et 152.

⁵ Не взирая на однозвучие и сходство слов Абадзех и Абадзе (Абазинцы) надобно принять во внимание, что первое есть имя местности, означающее на черкесском языке Нижне-Абадзех и доказывающее, что Абазинцы жили в отношении Абадзехов выше.

⁶ Долины и речки, по ним протекающие, имеют одно общее название.

⁷ Пшиз есть название Кубани у горцев, в буквальном смысле — "Старый князь".

⁸ В скобках означены названия, показанные на кавказских картах, изданных в Тифлисе.

б) Суп, служащая пограничным рубежом с Шапсугским племенем.

II. Шапсуг. За речкою Суп следует племя Шапсугов, которое населяет долины по следующим речкам:

*Убин*¹ (впадающая в Кубань) с притоками: а) Псекабе², б) Шебж (Пшибж), с) Афипс, d) Иль, е) Азюпсь (Азипсь), f) Хапль, g) Антхирь, h) Богундюор, i) Абин, j) Коафь, к) Шебик, l) Шипсь. Последние девять речек теряются в болотах Аушедских и Тлакофижских, не доходя до Кубани.

III. Ноткуадж (Натухай). Это племя живет в горах и на равнинах, окрестных кр. Анапе. Начиная от границы Шапсугов, следующие речки, протекая в долинах по направлению к Кубани, теряются в болотах или впадают в Кубань и лиманы, кои образует эта речка при устье своем:

1) *Адекум*³ с притоками: а) Неберджай, б) Атекай, с) Бакан, d) Гешепсин; 2) Кудако, 3) Псифь, 4) Непитль, 5) Копс, 6) Псебебс, 7) Шегуо (Шуго), 8) Чекупсь (Чикубс), 9) Шекон, 10) Напсухо, 11) Востигай (Гостюгай), 12) Сюмай, 13) Унепхахурай, 14) Тазюипшь.

Следующие речки вытекают из гор, образующих котловину (bassin), называемую Чехурай, и впадают в речку Бугур (Анапка), образующую болота близ кр. Анапы, имеющие исток в море: а) Куматир, б) Копеса, с) Китлемидж, d) Псекиаха, е) Мезкиага (Мескаго), f) Декос (Докос), g) Бенепсин, h) Шимь, i) Бидь и j) Цеокай.

Нижепоименованные долины и речки имеют свое начало, некоторые у главного хребта, идущего параллельно берегу Черного моря до соединения его с снежными горами, а некоторые из отрогов оного. Все долины эти, примыкая к морю, куда и самые воды их стекают, расположены в следующем порядке, начиная от кр. Анапы и следуя к югу:

1) Хендерий, 2) Сукхо, 3) Дирсуюе, 4) Озерейк, 5) Мисхаки, 6) Цемез, впадающая в Суджук-Кальскую бухту, называемую туземцами Кутлешхуо, 7) Доб, впадающая в туже бухту более к югу, 8) Ашампе, впадающая в море (Ашамбе), 9) Ацезивгу, впадающая в Геленджикскую бухту, называемую туземцами Кутлезий. Затем прочие долины примыкают все без изъятия к морю: 10) Мезиб, 11) Хапецай (Хотецай), 12) Джанхотий, 13) Нахашш, последние три вытекают из отрога главного хребта. 14) Пшад⁴ (Пшат), 15) Беше вытекает из отрога, 16) Чёбеин, 17) Бзид, 18) Джубг (Джуб), 19) Шапсухо, 20) Кузиепсь, 21) Плако, 22) Нигепсухо, 23) Дуз, 24) Ту, 25) Хакоай, 26) Небуг, 27) Агуие, 28) Псешишь, 29) Туапсе⁵, 30) Дедеркуай, 31) Сепсе, 32) Шуук (Шуек), 33) Мокупсе, 34) Мюзюегопсе, 35) Аше, 36) Дзешь, 37) Копсе, 38) Псезюе или Пезюане, последние четыре коллективно - Гоаие или Шехокуадж, 39) Голиех, 40) Чигезиане, 41) Нибепс, эти три коллективно Цюхух, 42) Безюей, 43) Тлате или Калезипь, 44) Кодес, последние три коллективно Шимитокуадж, 45) Шахе или Субеших, 46) Осакай, 47) Казий или Казиап, 48) Берендуапь, 49) Десхать, 50) Бу или Буапь, последние пять коллективно Хизе. Здесь оканчиваются земли Натухажцев.

¹ Не надо смешивать р. Убин с р. Абин. На сей последней была построена в 1834 году крепость отрядом войск генерал-лейтенанта Вельяминова.

² Вероятно по ошибке, Ф. Фонтон (Tableau du Caucase pag. 29) ставит Псекабе (Psekab) на южном скате Кавказского хребта.

³ Адекум признается границею между Шапсугами и Натухажцами, а не Пшецизь, как упоминает Ф. Фонтон (pag. 29), которая в земле Шапсугов образуется болотом. Точно также г. Дюбуа (I. 1 pag. 38) говорит об округе Adekau ou Adekoum; он смешивает название: действительно из горы Маркотхе вытекают два ручья: Шедогопс и Нако (а не На), впадающие в Адекуау (Adekau), который сам воды свои изливает в речку Абин. Из сего видно, что Адекум принадлежит совсем к другой местности, тогда как Адекуау находится посреди земель Шапсугов. См. Дюбуа (liv. 1 pag. 156).

⁴ Ф. Фонтон (pag. 29), говоря о черноморском побережьи, упоминает о Duab; Дуаб действительно есть, но она впадает с правой стороны в речку Пшад, в шести верстах от ее устья.

⁵ У Ф. Фонтонa Tuab, правильное Туапсе. Капитан-лейтенант Манганари, на карте восточного берега Черного моря, первый обозначил местности названием верным.

IV. *Кабартай*¹ — одно из значительнейших племен Адыге; они разделяются на Большую и Малаю Кабарду. *Большая* расположена между речками Малкою и Тереком, а к югу примыкает к Осетинам. Она разделена между четырьмя княжескими родами: *Джинбот*, *Месост*, *Хатошюк* и *Кайток*. *Малая* занимает правый берег Терека до предгорий и берегов Сунжи. Она управляется двумя княжескими родами: *Татлостан* и *Гилосхан*.

V. *Бесленей*. Это племя занимает в кубанской котловине земли, орошаемые водами речек Ферзь, Гегене (Больш. Тегень), Гегенезий (Мал. Тегень) и Воарп.

VI. *Мохошь*. Земли, им занимаемые, орошаются ручьями Чехураджд, Белогиак и Шеде.

VII. *Кемгуй*, или *Темиргой* на картах Кавказа. Это племя живет на пространстве, заключающемся между р. Кубанью, Лабю и Схагуаше.

VIII. *Хатюкай*. Племя живущее между рек. Схагуаше и Пшишь.

IX. *Бзедуг*. Общее наименование двух поколений Черченей и Хамышей; первое расположено на левом берегу Кубани между р. Пшиш и Псекупс, а второе от Псекупса до границ Шапсугов.

X. *Жань* или *Жанеевцы*. Племя некогда могущественное и сильное. Слабые остатки его ныне расположены в 70 верстах ниже Бзедухов, на острове, образуемом двумя рукавами Кубани и называемом черкесами Детлясьв, а черноморскими казаками — Каракубанский остров. Несколько семейств этого же племени живут на Адекуме между Натухажцами. У черкесов нет общего названия всему Кавказскому хребту. Слово «Кусха» значит у них горы. Главнейшие из них носят особенные названия, которые, начиная от кр. Анапы, где хребет примыкает к морю значительным обрывом, суть следующая: Шидиз, Неугир, Серагай, Пшевуалез, Маркотх, Пцазюитхь, Тгаджиакипь, Кенцегур, Себеркуасхь и множество других, и наконец Гиангер или Гагра².

II.

Азег, т.е. Абхазские племена³.

Азег составляют племена:

I. *Садзен*, занимающие пространство по берегу Черного моря от реч. Хамыш до Гагры и известные у нас под именем Джигет.

---

¹ Несколько кабардинских семейств с подвластными перешли разновременно в долины двух Зеленчуков и составили отдельную усадьбу в соседстве с Абадзехами. Они известны у нас под именем Абреков.

² Ф. Фонтон, в сочинении своем (Tableau du Caucase), упоминает о трех главных пунктах Идокопасхь, Шяпсуг и Ногайгюсь, как о трех мысах, вдающихся в море. Считаю нужным объяснить: 1) Идокопасхь действительно есть мыс, составляющий северную оконечность долины Нихапшь; 2) Шяпсуг, вероятно Шапсухо, долина, примыкающая к морю; но тут мыса, заслуживающего особого внимания, нет, и 3) Ногайгюсь. Черкесы называют *Ногайкусха* Бештау, что у Кавказских Минеральных Вод близ г. Пятигорска. Ногайкусха в переводе значит Ногайские горы, от того что некогда жили и отчасти теперь еще живут вблизи Ногайцы.

³ Абхазцы называют соседей своих Джигетов и даже Убыхов, Садзен, сохраняя им и их название. Черкесские же племена они отличают под общим наименованием Азук. Интересно-бы разъяснить этимологию этого слова с Azak и Azow, тем более, что George Interiano, писатель 1551 года, говорит, что народ Адыге жил тогда на азиатском берегу Азовского моря. Кабардинцы прибрежных Абхазцев именуют Аибга, а Мингрельцев — Тооль.

II. *Абсуа* (Абхазия), живущие от Гагры по берегу моря до р. Ингура и носящие у нас название Абхазцев. Страна, ими занимаемая, называется Абсне.

III. *Медозюи*, — на картах Кавказа Медовеевцы, — живущие на В. от Убыхов и подразделяющиеся на Псху, Ахчипсу и Аибга (Аибу).

IV. *Замбал* или *Цебельдинцы*, известные у черкесов под названием Хирпсь-Куаджь. Жилья их расположены по р. Кодор в долине Дал.

Абхазские племена, обозначенные на картах Кавказа под названием Абазинцев, следующие¹:

V. *Баракай* или *Бракий*, живущие в горах на верховьях р. Гупс.

VI. *Баг*², на верховьях р. Ходзь.

VII. *Шегерай*², на верховьях р. Малой Лабы.

VIII. *Там*, на верховьях р. Большой Лабы.

IX. *Казильбек* или *Казбек-Коаджь*, между верховьем Большой и Малой Лабы.

X. *Башильбай*, у верховьев р. Урупа и Большого Зеленчука.

XI. *Басьхог*, называемые Татарами *Алты-Кесек*; и действительно отрасль эта составлена из шести племен, носящих имена владетельных князей своих. Они живут в разных местах кубанской котловины (bassin). Имена их следующие: а) Биберд, б) Лоу или Лов, с) Дударук, d) Кияшь, e) Джантемир и f) Клишь.

Переселение последних племен с южного на северный склон хребта совершилось в конце XVII столетия, с предварительного согласия Кабардинцев, которые уступили им часть своих земель. Причиной переселения были внутренние раздоры и отчасти недостаток земли на прежнем их месте жительства — Вордане. Другие, упомянутые выше абхазские племена, одновременно последовали примеру Басьхогов.

Между землями, населенными с одной стороны Натухажцами, а с другой Джигетами, находится отдельное племя *Убыхи*. Из них прибрежных черкесы называют Абадзе; живущих же на верховьях речек к хребту — Убыхами. Жилища их расположены на следующих речках в долинах, примыкающих к морю: а) Зюебзе, б) Лоу или Лоупь, с) Ниге, d) Батхь, e) Догомепсе³, f) Психе или Момай (все коллективно-урочище Вордане)⁴; g) Саше или Сочи, i) Хамишь или Хоста (эти две-урочище Саше).

На северном склоне гор находятся еще отрасли татарских племен:

I. *Карачай*, жилища коих расположены у западного подножья. Эльборуса, на верховьях р. Кубани. Шегем (Чегем), Балкар и Уруспий, одного с Карачаевцами происхождения⁵.

¹ Во избежание всякого недоумения следует объяснить, что Abasintzi и Abadzas, о которых упоминает Ф. Фонтон (pag. 129), суть одни и те же; поэтому не основательно было бы полагать какое либо различие между названиями Абаза, Абазинцы и Абхазцы. (Tableau du Caucase pag. 4).

² Они отделились от Медовеевцев.

² Они отделились от Медовеевцев.

³ У Ф. Фонтон неправильно названа Dagamza, у Белля (Bell) Tramepse.

⁴ Достоин замечания, что род владетелей Гурии, Гуриель, носит название Ворданидзе (Газ. «Кавказ», 1847 г., № 26).

⁵ Эльборус у черкес называется Кусха-Мафь и означает: приносящая счастье, счастливая гора.

II. *Ногой* или Ногайцы, известные более под названием их князей Мансур и Навруз, и живущие между Лабою и Кубанью — остатки монгольской орды Кипчак.

В отношении разделения тех племен на черкесские (Адыге) и абхасские (Азег), следует заметить, что Кабардинцы и другие адыгские племена, сохранившие феодальное управление, называют Абадзехов, Шапсугов и Натухажцев общим именем *Абадзе-чиль*, что значит: абазинские народы; всех-же Закубанцев, исключая Бесленеевцев — *Кияхь*, т.е. низовые жители. Абадзехи-же, Шапсуги и Натухажцы называют все племена, сохранившие феодальное управление, включая в то число и Кабардинцев, *Адыге-чиль*, т.е. адыгские народы.

Часто народ теряет настоящее свое название, между тем как оно остается в памяти у соседей. Не могло-ли это случиться и у Черкесов (Адыге). Хотя в настоящее время нет никаких данных, которые служили-бы основанием к какому-либо заключению по настоящему предмету, но, может быть, дальнейшие расследования рассеют мрак, покрывающий происхождение этого народа. С моей стороны, я ограничусь изложением того, что мог узнать во время пребывания моего между этими племенами.

Вот основание их разделений:

Бесленеевцы отделились от Кабардинцев под предводительством их князя Каноок и по настоящее время не потеряли еще нити родства, соединяющего их с последними. От переселения этого прошло не более столетия.

Темиргой, *Хатукайцы* и *Хегаки* имели общего родоначальника *Балеток*, который разделил владения свои между тремя сыновьями: Айтекок получил в удел *Темиргой* (*Кемгуй*), Хатиок дал полученному им уделу свое имя *Хатукаи*, Занок владел уделом *Хегайк*¹. Княжеские дома эти признают и ныне узы родства, их соединяющие.

Бзедух имел двух сыновей: Киркян и Хамышь. Именами их назвались два племени: *Киркинай* или Черченая и *Хамышей*.

У *мохошевцев* родоначальник *Богарсок*, у *Жанеевцев* — Бекхан.

Если включить в эту семью Кабардинцев, то адыгские племена, сохранившие феодальное управление, естественным образом можно разделить только на шесть родов. Я не упоминаю здесь (т.е. в разделении) о Натухажцах, Шапсугах и Абадзехах, потому-что племена эти, в сравнении с вышепомянутыми, получили политический быт свой весьма недавно. Постепенное развитие их народности я изложу в особой статье.

Ученый Дюбуа (кн. I стр. 102) разделяет черкесские племена на Черкесов, Кабардинцев, Абазинцев (*Abadzes*) и Абхазцев (*Abhazes*). Из вышеизложенного видно, что разделение Дюбуа неосновательно, ибо племена его названия составляют не четыре отрасли общего корня (как он говорит), а два народа отдельного происхождения. Слова: Абазия (*Abadze*) и Абхазия (*Abhaze*) есть название одной и той-же страны: первое, произносимое по-черкесски, а второе — по-грузински. Основательность такового подразделения опровергают еще наречия, коими говорят те племена: Черкесы, т.е. Адыге и Кабардинцы, говорят языком адыгским; Абхазцы-же — абхазским, и оба эти языка не имеют между собою ни малейшего сходства. Дюбуа мог заметить (как он пишет) в абхазском языке несколько производных слов языка черкесского, т.е. адыгского; но коренных не мог в нем найти. Слова эти могли войти в абхазский язык по случаю давнего соседства двух народов, точно также как в местах Абхазии, близких Мингрелии, можно заметить в абхазском языке несколько слов картвельского происхождения.

---

¹ Потомок этой фамилии Карабатыр жил между Натухажцами; отец-же его Сефербей, после занятия кр. Анапы в 1828 году, выехал Турцию.

Некоторые из племен черкесских, именующихся Адыге, оспаривают это наименование, хотя оно в прочем сделалось общим для всех Черкесов. Настоящими Адыгами признают: Кабардинцев, Бесленеевцев, Темиргойцев, Хатукайцев и Хегайков; другие-же племена, управляемые также феодально, как-то: Бзедугов, Мохошевцев и Жанеевцев называют иногда Абадзе. Я старался узнать причину такого различия, но не мог получить удовлетворительного объяснения. Разве это приписать тому, что первые из поясненных племен, повидимому, на южном скате гор никогда не жили, тогда как последние занимали некогда различные пункты морского побережья.

Из исследований моих я мог вывести следующие сведения о переселениях адыгских племен:

Жанеевцы жили некогда в долине Цемезь, примыкающей к Суджук-Кальской бухте, и вдоль берегов Черного моря до Пшады; оттуда перешли, они на северный скат гор, и, под влиянием различных событий, окончательно водворились на Адекуме. Тут они были разорены отрядом русских войск в 1804 году. Ныне слабый остаток этого племени живет на Каракубанском Острове.

Чёбсины, сродники Жанеевцев, оставили после себя память, дав имя своё одной из долин, примыкающей к Черному морю, и ныне слились, как выше сказано, с Натухажцами.

Бзедуги, жили некогда в приморской долине, называемой Туапсе, а оттуда перешли на Кубань.

Мохошевцы, тоже жили на южном склоне Кавказских гор до перехода на северный.

*Гоаие*¹, занимали долину Псеюзе и несколько других. Значительность этого племени доказывается ныне числом фамилий, слившихся с Натухажцами и Шапсугами. Главные дворянские фамилии этого племени Карзейк и Куицеюк; княжеская-же— Шесхако пресеклась.

Цюхух. Этим именем называется урочище, образовавшееся из нескольких долин, примыкающих к морю. В настоящее время там живет дворянский род Цюхь; княжеский-же — Арин пресекся.

О переселениях Кабардинцев приведу предание, оставшееся в памяти у черкесов.

Кабардинцы считают себя аравийскими выходцами² и при этом повествуют следующее: Вследствие междоусобных раздоров, один из народных предводителей переселился с своими подвластными и приверженцами в Анатолию. После некоторого времени, — которого предание не определяет, — колонии этой угрожала армия мусульман, с целью обратить жителей ее к учению пророка. Когда предводитель армии на предложение, сделанное переселенцам — принять учение Магомета, получил отказ и приказал армии своей двинуться вперед, то она задержана была какою-то сверхъестественною силою. Это заставило мусульман оставить переселенцев в покое. Далее предание гласит, - не определяя тоже эпохи, — что выходцы предприняли другое переселение и очутились в Крыму. Каким путем они следовали, кто был их предводитель, неизвестно; но присутствие их в Крыму подтверждается названием некоторых местностей, а именно: существуют там и поныне развалины замка, называемого *Черкес-Кермен*; равнина между реч. Бельбек и Кача называется *Кабарда* и *Черкес-дюзь*, т.е. черкесская равнина.

Из Крыма выходцы перешли на Кавказ. Предание умалчивает о событиях, понудивших их к этому новому переселению, и о времени, в котором оно совершилось. Выходцы заняли

¹ Le Waia de M. Bell

² J.Pototski. Voyage dans les steppes d'Astrakhan etc. T. 2 p. 155.

равнины в окрестностях нынешней кр. Анапы¹. Тут царствовал со славою, в начале XV столетия, князь *Инал Теген*², которого кабардинские князья считают своим родоначальником и которого слава гремела по всему Кавказу. Царствование князя этого подтверждается тем, что большое число речек, родников и колодцев, начиная от кр. Анапы, где есть *Инал-и-псинь* (т.е. Иналов родник), и по всему протяжению дороги, ведущей в Кабарду, носят его имя. Между прочими, вытекающий из горы на Урупе ручей и близь Эльборуса гора называются *Инал*.

На новом месте переселения выходцы были преследуемы крымским ханом, но по какой причине, предание этого не объясняет. Узнав о приближении хана, они начали удаляться во внутрь страны; но хан настиг бежавших и они вынуждены были дать сражение.

В этом деле убит их предводитель (коего имя сохранило предание) Беаслан Бакан³. На ней виден еще курган, правильно сложенный из камня, на который указывают, как на могилу Бакана. После этой битвы переселенцы расположились было в долине, смежной с баканскою и носящей по настоящее время название *Богого*, что значит «слезная». Второе сражение с ханом происходило на земле нынешних Шапсугов, в долине Абин, в которой есть местность, сохранившая и поныне название *Вуордебуадж*⁴, что значит на черкесском языке — ординская равнина. Тут хан потерпел поражение и уже более не преследовал выходцев.

Следуя по направлению на восток, переселенцы основались было на некоторое время на берегах реки Схагуаше; но оттуда, по стечению неизвестных обстоятельств, перешли к подошвам гор Бештау, где по историческим данным, жили в XV веке. В настоящее время они живут на Баксане, и местность эту черкесы называют Кабертай-Туадж.

Из вышеизложенного видна нить, соединяющая народы адыгского происхождения, и переход разных племен с южного на северный скат Кавказских гор. Можно заключить, что адыгские племена вместе с абхазскими должны быть если не первобытными, то по крайней мере древнейшими жителями морского побережья. Племена, переселившиеся на северный склон, хорошо помнят места, на которых жили их предки.

Хотя не имеется положительных данных, но можно полагать с некоторым основанием, что на переселение черкесских племен, т.е. адыгских, живших на северном склоне Кавказского хребта, имело влияние появление монголов, шедших в 1237 году на покорение Казарии; а потом поход Батый-Хана и наконец Тимура в 1395 году на Азов (Azak), по мусульманским историкам. Ежели частые наводнения народов имели влияние на переселения племен северного ската Кавказского хребта, то обитавшие на южном, будучи защищены неприступным хребтом, находились вне этого влияния.

Можно судить о переменах народонаселения северного склона, сличив настоящее с тем, которое нашел Паллас во время второго путешествия своего в 1793 и 1794 годах.

Основываясь на предъидущих данных, можно оспаривать мнение некоторых писателей, утверждавших, что народы, живущие на южном скате Кавказского хребта, на северный никогда не переходили. Это может быть справедливо в отношении к картвельским племенам; но что касается племен адыгских и абхазских, то ясные следы такого перехода изложены выше. Хотя горы могли служить убежищем во время прилива и отлива народов, проходивших по Южной России, но при всем том нельзя сомневаться, чтобы на народы северной покатости не простиралась власть, более или менее упроченная, царей воспорских, казар и других, владычествовавших постепенно в северной части Кавказа, до появления крымских ханов⁵, от которых черкесы были также в некоторой зависимости. В поэмах Адыге упоминается о каком-то походе к *Темур-Кану* (железные врата), в котором они участвовали по наряду хана. На эту поэму черкесские дворянские фамилии

¹ J. Pototsky. Voyage dans les steppes d'Astrakhan etc. T. 2 pag. 161; note de Klapproth.

² Idem T. 2 p. 154 et Dubois Voyage autour du Caucase. T. 1. p. 78.

³ На дороге, ведущей из земли Натухажцев к Шапсугам, есть долина называемая и ныне Бакан.

⁴ Местная легенда указывает на эту равнину, как на поле битвы с татарами.

⁵ Татары овладели Крымом (Казарией) в 1237 году по Р. Х.

(Тлякотлешь) ссылаются как на документ, доказывающий древность их происхождения, и оспаривают право дворянства у тех фамилий, кои в ней не упомянуты. Наконец, изречение *Хан-я-бюнь-терь-яй*, т.е. «мы принадлежим к ханскому роду», обратившееся в поговорку, служит подтверждением вышеизложенного.

Сведения, собранные ученым Дюбуа¹, о народе черкесском, заслуживают внимания. Ежели у него вкрались некоторые ошибки в отношении подразделений нынешних черкесских племен, то это произошло от неосновательности доставленных ему сведений, которые он принял за основательные. Например *Езерукай* (Еджеркуай) и *Адемий* не составляют отдельных племен, но входят в состав: первый Черченейцев, а последний — Темиргойцев. Это усадьбы, названные именами их владельцев, дворян Езеруко и Адемий. В *Magasin Asiatique de Klarproth*, pag 290, производят Адемий от Адемдад (Adem-Dhat). На это замечу только, что Прокопий (Procopé), упоминающий о Адемдатах, жил 943 году по Р. Х., а потому невозможно чтобы племя это с того времени жило постоянно на р. Кубани, где оно занималось рыболовством во времена Прокопия.

Это обстоятельство доказывает, с какою осторожностью следует выводить заключение, основываясь на сходстве племен, переданных нам древними писателями, с именами, встречаемыми на тех же местах в настоящее время, чтобы избежать ошибок, в коих Дюбуа упрекает Прокопия.

Я выше упомянул, что на берегу Черного моря, между землями Натухажцев и Джигетов, обитает племя Убыхов. Оно не принадлежит ни к адыгскому, ни к абхазскому корню. По ученым исследованиям графа Потоцкого и по топографическому положению Убыхов не будут ли это остатки древних Алан² (Ass ou lass) средних времен? Граф Потоцкий не мог войти с ними в сношения, изучить их язык и тем решить эту интересную историческую задачу.

Хотя на картах Кавказа и были обозначены Убыхи, но они еще очень недавно не считались отдельным народом, а причислялись к черкесскому племени (Адыге).— Прокопий (Procopé) в 529 г., Массуди (Massudi) в 943 г. и Константин Порфирородный (Const. Porphyg.) в 959 г. по Р. Х. указывают на Алан (Alains) и на страну их (Alania), как соседнюю с абхазскою³. Путешественники Барбаро (Josaph. Barbaro) в 1436, Ламберти (Le pere Arhc. Lambert) в 1624 и Шарден (Chardin) в 1671 годах упоминают об Аланах, живших тогда на Альпийских высотах Абхазских гор, у истоков Кубани⁴ и по древней дороге в Кодорской долине, примыкавшей к Диоскурии (Dioscurias). Замечательно, что поныне существует у Убыхов одно племя (dan), носящее имя *Алань*.

Рассмотрим теперь наречия, которыми говорят вышеописанные народы.

Черкесским языком говорят, с малыми оттенками, все племена Адыге, живущие на северной покатости Кавказского хребта от Терека до устьев Кубани и вдоль восточного берега Черного моря до границ убыхской земли.

Язык черкесский не имеет никакого сходства с прочими наречиями Кавказа, ни даже с татарским, хотя в состав его вошли некоторые слова последнего от владычества ханов крымских и вследствие торговых сношений с Турциею. Кабардинское наречие разительно отличается от прочих наречий того языка. Бесленевцы, со времени отделения их от Кабарды, значительно изменили свой язык, который в настоящее время более подходит к черкесскому. Между прочими племенами Адыге заметно то различие в языке, какое встречается в великороссийских губерниях в русском.

Абхазским языком (Азег), не имеющим никакого сходства с черкесским, говорят все абхазские племена, как на южном, так и на северном скате Кавказского Хребта с некоторыми оттенками, более заметными между жителями обоих склонов.

¹ Dubois. Voyage autour du Caucase etc. P 1 p. 53 к.

² Pototski. Voyage dans les steppes d'Astrakhan etc. T. 2 p. 106, 146 et 181.

³ Dubois. Voyage autour du Caucase etc. T. IV p. 378.

⁴ J. Pototski Voyage dans les steppes etc. T. 1 p. 321 et 328.

Убыхи говорят особым языком, не имеющим сходства ни с черкесским, ни с абхазским. Со временем язык этот может исчезнуть, по всеобщему употреблению языка черкесского. Паллас¹ полагает, что древние черкесы были скитающиеся рыцари, которые, покорив народы на Кавказе жившие, нечувствительно сообщили им свой язык, подобно тому как Лифляндцы изучили язык тевтонских рыцарей. Если бы это было справедливо, то в таком случае сохранилась бы в народе память о пришельцах, царствовавших над ним по праву сильного. Паллас мнение свое основывает на том, что будто-бы князья и дворяне в Кабарде имеют особое наречие, которое скрывают от простого народа. Точно, существовало между черкесами искаженное наречие (*argot*), коего ключ не каждому был известен. Оно называлось *Шахобзе*, т.е. языком охотничьим².

При исследовании какой либо страны в историческом отношении, нельзя, конечно, упускать из виду народных преданий, но черкесские народные предания не могут доставить никакой в этом отношении пользы.

Они представляют несвязный рассказ событий, которые невозможно распределить так, чтоб составить из них одно целое и правдоподобное. Черкесы не имеют письменных памятников; их заменяют неопределенные легенды; к тому же народ этот не имеет ни времени, ни той любознательности, которые побуждают к изучению прошедшего. Малое между ними число сохранило в памяти события новейшие. Но между тем нельзя сказать, что у черкесов нет народных преданий и что память о предках остается в забвении. Предания действительно существуют, но в них все, что относится к отдаленному времени, сокрыто тканью легенд и искажено баснословием. Поэмы, — единственные у них исторические памятники; в них прославляют они подвиги своих героев.

Предания эти имеют тот недостаток, что описываемые в них факты не определяются хронологически; да кроме того повествователь, увлекаясь пристрастием к своему племени или желанием угодить влиятельному лицу, под покровительством коего находится, излагает события в ущерб правде. Кто пожелал бы разобрать этот хаос, тот должен был бы посвятить себя на несколько лет постоянному труду, не будучи притом уверенным в успехе.

В заключение неизлишним будет упомянуть о Амазонках, о коих повествования дошли до нас в творениях древних писателей. Не стану опровергать достоверности черкесского предания, переданного нам Рейнегсом (*Reineggs liv 1 p. 23*), но замечу, что нельзя основываться как на факте, доказывающем существование Амазонок, на рассказе Ламберти (*le pere Archan Lamberti*), что «в его время «Дадан, воюя с народами, расположенными на запад от Эльборуса, нашел между павшими на поле битвы, женщин в латах и вооруженных». Это легко могло случиться; ибо по рассказам горцев, сведующих в преданиях их страны, они до появления русских на Кавказе имели частые стычки с калмыками, коих жены, вооруженные и конные, принимали участие в сражениях рядом с своими мужьями. Ламберти путешествовал в 1620 году — эпоха, в которую присутствие калмыков в соседстве с Кавказом не представляет ничего неправдоподобного. По этому

---

¹ Pallas. Edition de Paris 1811. T. 2 p. 154.

² J. Pototski. Voyage dans les steppes etc. T, 2. p. 186.

Примечание. Говоря о наречиях адыгского племени и смежных с ним, неизлишним будет, как полагаю, упомянуть и о прочих существующих на Кавказе.

Разными наречиями картвельского корня говорят: Грузины, Имеретины, Гурийцы, Мингрельцы и Сванеты. Лезгинским в Лезгистане. Кистинским говорят собственно Кистинцы и одноплеменники их: Чеченцы, Ингуши и Карабулаки; осетинским - Тагаурцы и Дигорцы. Татарским говорят в мусульманских провинциях Закавказья, в прибрежных к Каспийскому морю ханствах, в Дагестане и по Тереку Кумыки. Итак кавказские народы, за исключением татарских племен, естественным образом разделяются на семь главных отдельных родов, не имеющих никакого сходства между собою и говорящих особыми языками, как-то: 1) Картвельский, 2) Лезгинский, 3) Кистинский, 4) Осетинский, 5) Черкесский, 6) Абхазский и 7) Убыхский.

можно полагать, что женщины, за которых Дадиан обещал большую награду тому, кто доставил бы ему хоть одну живую, были никто иные, как жены калмыков. Дюбуа упоминает о колонии русских беглецов, живших будто бы у верховьев реки Бзыбь, коих соседи, абхазцы, очень уважали. Это столько же неправдоподобно, сколько и существование в горах абхасских еврейской общины, о которой упомянуто в статье: «Согденекие скалы», помещенной в январьской книжке Пантеона 1852 года.

О Натухажцах, Шапсугах и Абадзехах.

До занятия русскими крепости Анапы, а впоследствии Черноморской береговой линии, понятия о народах, населяющих побережье Черного моря, были весьма ограничены, и с того только времени мы начали изучать эту страну. Несмотря на сочинения о племенах этих: Клапрота, Палласа, Гюльденштета, Рейнегса, Дюбуа де-Монпере и Броневского, мы не имеем еще полных об них сведений. Постараюсь поэтому пополнить некоторые пробелы сведениями, приобретенными мною во время пребывания моего между теми племенами.

В исследованиях подобного рода народные предания служат большим пособием; но я имел случай пояснить в предъидущей статье¹, до какой степени можно полагаться на предания тех народов. При таком недостатке собранные мною сведения почерпнуты из рассказов лиц, с которыми я находился в сношениях.

Не вдаваясь в глубокую древность, когда на берегах Черного моря обитали Зихи (Zigues), Керкеты (Cercetes) и Мосциты (Moschytes), (Strab. lib. II), ограничусь приведением здесь на память, что Георгий Интериано (George Interiano), живший в 1552 году по Р. Х., нашел, «что народ, называвшийся Адыге, занимал от р. Дона по азиатскому берегу Азовского моря до Воспорского пролива и далее по берегу Черного моря».

Хотя черкесские племена Адгые считают побережья Черного моря старым своим пепелищем (хекуз); но трудно разъяснить: первобытные ли они жители тех мест или пришельцы.

До образования своей самобытности Натухажцы и Шапсуги, в числе прочих племен черноморского побережья, из коих главное было Гоаие, занимали следующие места: а) Натухажцы в урочище Тагапс, в верховьях долины Псезюе или Псезюапе; б) Шапсуги в урочищах Атсейниб и Бебеколайге, в той же долине Псезюе. В это время оба эти народа состояли только из пяти коренных отраслей: 1) Надхо; 2) Нетахо; 3) Кобле; 4) Схапете и 5) Сотох. Первые две вошли впоследствии в состав Натухажцев, а последние три — Шапсугов. Впоследствии племя Гоаие вошло тоже в состав Натухажцев.

Абадзехи первоначально составляли тоже небольшое племя и занимали, по мнению одних, места в урочище Мадзмей. области нынешних Убыхов, у верховья речек Шахе и Саше; по мнению других, они обитали в урочище Туб, на северном склоне Кавказского хребта. Место это и ныне находится в составе их земель. Что они жили первоначально в верховьях речки Пчеха под покровительством дворянского рода Бешок, это не подлежит никакому сомнению.

Хотя по разности в названиях, Натухажцы и Шапсуги считаются отдельными народами, но в сущности они одноплеменны. Мнение это основано на том, что они адыгейского происхождения, говорят одним языком и вообще называют себя Агучипс. Наименование это особого значения не имеет, но служит им вроде отзыва при встречах.

Абадзех в буквальном переводе значит «ниже Абазцев». Название это некоторым образом доказывает, что Абадзехи жили в соседстве с Абазцами и, не составляя самобытного племени, получили это название от своих соседей.

---

¹ «Общий взгляд на страны, занимаемые горцами, называемыми Черкесами (Адыге), Абхазцами (Азеге) и другими смежными с ними».

По рассказам стариков, за их память, переезд через Восемнадцатигорие (Тугупсукуй), отделяющее Доб от долины Цемезь, где впоследствии выстроен Новороссийск, совершался весьма редко, и место это считалось прибрежными жителями окончательностью их края. По тем же рассказам Шапсуги занимали в долине Абин земли только до узкого прохода Недийапчь, далеко от того места, где долина эта расширяется в плоскость, за ней в 1834 году построена была генерал-лейтенантом Вельяминовым крепость Абинская.

Описываемые мною народы давали у себя убежище всем недовольным из соседних племен; от этого народонаселение их быстро увеличилось. Приведу некоторые примеры.

Род Гоаго, происхождения хатюкайского, пришел к Шапсугам искать покровительства против угнетавших его князей и вошел в состав основных отраслей шапсугского народа.

Род Тлебзу, подвластный абадзехскому дворянину (вуорк) Едиге Хатооко, перешел также к Шапсугам. О численности этого рода можно судить по его имуществу, которое было перевезено на 300 арбах.

Во время нахождения моего в горах я был свидетелем многих подобных переходов. Так, например, в 1826 году, несколько семейств, подвластных абадзехскому дворянину Джанкята Мамехога, были причислены к натухажской фамилии Тлечась. Дворянин этот пользовался уважением и известностью; но, несмотря на это, старания его о возвращении бежавших от него подвластных не увенчались успехом. Между прочим он обращался к посредничеству анапского паши, но и вмешательства его не имело никаких последствий.

Абадзехи, подобно Натухажцам и Шапсугам, увеличились в народонаселении тоже пришельцами, а в особенности присоединением к ним дворянского рода Едиге¹, происхождения монголо-ногайского, с подвластными фамилии Цей.

Из следующего расписания можно видеть, как разветвились основные отрасли описываемых племен:

Надхо	Нетахо	Кобле	Схапете	Гоаго— Соотох	Гоаие
Надхо	Схабе	Шеретль	Хагур	Соотох	Екуас
Ацок	Хурум	Харате	Схалахо	Сегиас	Мемет
Байге	Сюайге	Джарим	Аберейк	Берок	Косебичь
Туко	Аласе	Нашь	Тюркоу	Тлохузок	Хагун
Айкез	Абере	Дёгуф	Хезетль	Хусер	Сепене
Ергуз	Шюзок	Ду	Хаху	Инох	Гунай
Емезог	Дежередже	Ханту	Хузетль	Куадже	Пшиуйк
Сохте	Евстагле	Ацемюзь	Кудь	Мысь	Датче
Вотаха	Тлияшь	Сумен	Пцашех	Бжассо	Карджань
Хатхе	Боос	Добох	Огутль	Псекечь	Бжегатль
Ту	Хезикь	Непсау	Хатлох	Усий	Тхайтле
Хатюев	Хахурате	Тесвь	Цюнтыз	Хадишь	Тлетсерок
Коф	Схакумеде	Худизь	Сау	Тлепсук	Тлетхозь
Неметлох	Поох	Погузь	Егум	Джад	Мат
Бзим	Дизь	Тамох	Нагуч	Шуз	Неуйкь
Мелиш	Тхиз	Нагуо		Мет	Хамтоху
Джарим	Чацох	Раток		Сокотль	Мигекиокь
Кеух	Мезег	Тлекузь		Шу	
Мафеуде	Гуризь	Бат		Канасез	
Сомюзь		Басте		Хун	
Хапий		Бгане		Цюсха	
Тлечась		Соузу		Тым	
Чиан		Тлиф			

¹ Одна отрасль фамилии Едиге, о которой здесь упоминается, существует между Ногайцами, живущими на левом берегу Кубани; другая же находится в Крыму под именем Кекуат (почетные мурзы). Обе отрасли признают между собою родство.

Худоко Богогузь Бирк Такиак Шехетль		Хамтез Шеуген Хупшь Тхахоахо Хатуз Псаоко Негуз			
---	--	---	--	--	--

У Абадзехов племен (clan) считают до восьмидесяти, из коих главнейшие суть: Цей, Куб, Дзид, Хаток, Свюзе, Тлишь, Кут, Кетаур и Бирица.

При занятии Натухажцами и Шапсугами предгорий и плоскостей, все их отрасли перемешались между собою, что имело следствием расслабление связывавших уз. К этому еще более способствует как развившаяся в народе идея о составлении одного политического тела, так и географическое положение занимаемой им местности. Положение этого народа заставляет его заботиться не о частных фамильных интересах, а направить все стремления к общей пользе. До какой степени Натухажцы и Шапсуги подвинули это дело, сейчас увидим.

Что Натухажцы и Шапсуги во времена жительства их в Тагапси и Атсейнибе состояли под влиянием феодализма, тому служит доказательством то, что у них существовали княжеские и дворянские фамилии. Князь на языке их называется — пши, дворянин — вуорк. Княжеский род был у этих народов, но впоследствии, как надо полагать, пресекался; дворянские же фамилии, ныне существующие следующие: а) у Натухажцев, Сюпако, Мегу, Зеа, Каз, Егороко и Чах; б) у Шапсугов: Абат, Немере, Шеретлок, Цюхь, Горкоз, Улагай, Бгый и Тгагурз. Между племенем Гоаие, вошедшим, как выше сказано, в состав натухажского народа, следующие дворянские фамилии: Карзейкъ, Куецюкъ, Дирсуюе, Хатираме, Бирджь и Черчь. Дворянские фамилии Сюпако и Абат сохранили по настоящее время родственные связи с первостепенными кабардинскими узденями (Тлакотлешь), — первая с Кудейнетами, а последняя с Тамбиями.

У Абадзехов дворянские фамилии в настоящее время следующие: Бешок, Инемок, Едиге, Джанкиат, Анцюок, Негиок и Даур.

Хотя со временем влияние дворян и ослабело, но они сохранили преимущества, присвоенные их званию, до тех пор, пока общественный переворот не сравнил их с простолюдинами.

Переворот этот, лишивший дворян их преимуществ и имевший перемену образа правления у Натухажцев и Шапсугов, постепенно совершался следующим образом.

С ослаблением влияния дворян в народе начали проявляться мысли о свободе и независимости. Народ стал неравнодушно смотреть на преимущества дворян, которыми последние гордились, почитая их единственным оплотом против водворяющегося нового порядка. Из этого возникло безначалие со всеми его последствиями. Надобно было приискать средства к водворению порядка. Для изыскания таких средств стали созывать народные собрания — аристократическое и демократическое. Последнее, по большинству своему, одерживало перевес над первым. Дворяне, опасаясь утратить свои преимущества, прибегали к разным козням и старались расстраивать единогласие противной им партии, до чего иногда, с помощью своих приверженцев, и достигали. Тогда уничтожались вводимые постановления и водворялся новый беспорядок; но при всем том не нашелся человек, который сумел бы им воспользоваться, а событие между тем совершалось. Аристократия должна была уступить демократии.

Видя неудачу в прениях и происках, дворяне прибегли к силе оружия. Они искали помощи у дворян соседнего племени — Бзедухов. В 1796 г. нашей эры произошла одна из кровопролитнейших битв, носящая название в народе Бзиоко-Зауо, от местности, на коей она происходила. В сражении этом Бзедухи одержали победу, но она не остановила хода

событий, напротив ускорила его. С того времени вся надежда дворян на успех была потеряна. Права и преимущества их уничтожены и всенародно объявлено равенство; пеня за кровь оценена одна для всех, и дома простолюдинок закрылись для дворян. Последняя мера сохранилась в памяти у народа под названием харам; она оставалась в полной силе до тех пор, пока брожение умов не утихло.

Последствием этого переворота было то, что одни из дворянских фамилий оставили край и нашли убежище у соседей, а другие прибегли под покровительство русских; большая же часть из них решила остаться на родине, в надежде на прежнее свое влияние и на своих приверженцев (*clientelle*); но не пользуется другими преимуществами, кроме тех, которые дают ум, красноречие или храбрость.

Надо однако же заметить, что во время этих смут ни один дворянин не сделался жертвою вражды простолюдинок; были даже примеры брачных союзов дворян с простолюдинками; однако же ни одна дворянка не вышла замуж за простолюдина.

Из числа народных собраний, созданных в XVIII и XIX столетиях для введения порядков, следующие, по важности своей, сохранились в памяти народа. Они носят название от мест, на которые были созваны: I. Джуре-закуо-тхареу; II. Псикетоко-тхареу; III. Заипсинь-тхареу; IV. Абинь-тхареу и V. Хауцеяхсь. В каких именно годах созваны были четыре первые собрания неизвестно; последнее же было в 1822 году.

Следствием этого собрания было введение суда по шариату, согласно корану, из коего происходят права духовные, гражданские и политические. Те однако же из жителей морского побережья, у которых магометанство еще не укоренилось и которые придерживаются прежних своих религиозных обрядов, продолжали разбирательство тяжб и споров посредством третейского суда.

Между Абадзехами демократическое образование общества совершалось постепенно и без ощутительных потрясений.

В последнее время административное устройство у Натухажцев и Шапсугов, до водворения между, ними влияния Шамиля через его агентов, следующее¹:

I. Общественное управление, как не имеющее главы, республиканское.

II. Законодательная и распорядительная власти имеют начало свое в народе; следовательно и управление должно считаться демократическим.

III. Способов созывать депутатов или представителей народных два: первым из них от каждого племени назначается определенное число доверенных лиц, для выбора которых племя должно предварительно собраться: вторым-же выбор делается: у магометан от *Джемагата*, а у жителей побережья морского, где еще не водворился закон Магомета, от *Тгаханха*, которые можно сравнить с нашими церковными приходами. Преимущественно же употребляется последний способ.

IV. На время военных действий и набегов, Черкесы следуют за одним или несколькими вождями. Тут с одной стороны является власть, а с другой подчиненность. Они отправляются охотно, без принуждения, и от доброй воли каждого зависит участвовать в походе или от него отказаться. В этом отношении нет никаких принудительных мер: это тоже что воинский наряд времен варварства. Бывают однако же случаи, когда требуется поголовное вооружение, и от него не может отказаться никто, кто только в состоянии носить оружие.

V. Гражданская часть управления не сосредоточена ни в чьих руках. В каждом племени возникающие споры и тяжбы судятся старшинами, *тамата*. Старшин выбирают из среды людей, пользующихся добрым именем и известных по бескорыстью и мудрости. Они дают присягу в том, что будут разбирать дела по совести и крайнему разумению, что не будут принимать подарков и проч. Старшины эти, люди почетные по летам своим, не имеют никакой определенной власти; обязанность их состоит более в преимуществе давать советы и наставления; но они не повелевают.

¹ В обзорах, которые посылались от начальника Черноморской Береговой Линии и Штаб Отдельного Кавказского Корпуса, видны действия агентов Шамиля и влияние их на события в стране.

VI. С повода обычая, существующего на Кавказе с незапамятных времен (которое может быть имеет началом *la loi du talion*), Черкес присваивает себе право сам преследовать и мстить за личную обиду; независимо от сего он обязан заступаться и принимать участие в делах не только ближайших родственников своих, но даже целого племени (*clan*), к которому принадлежит.

VII. Тюрьмы и телесного наказания не существует. Все наказания ограничиваются штрафами, соразмерными с степенью проступков и увеличивающимися в случае повторений. Если же нарушитель благочиния окажется неисправимым, в таком случае он продается в неволю или бросается в воду с камнем на шее, и это носит название *психядзе*.

VIII. Каждый без различия имеет право давать кров или приют (*droit d'asile*) своим единоземцам и оказывать покровительство иноплеменному гостю. В этом случае хозяин, как кунак, ручается перед гостем за его безопасность, а перед своими за его проступок. Тот, кто решился бы проехать в горы без кунака, попадет в плен и будет принадлежать тому, кто первый его возьмет.

IX. Тот, кто имеет средства купить или достать невольников, владеет ими бесспорно.

X. Право собственности существует, следовательно, и право наследства, которое переходит к ближайшему родственнику.

XI. При разделе наследства признается право старшинства, состоящее в том, что, сверх доли делимого на равные части имущества, старшин получает одну ценную вещь.

XII. Нет общественного имущества, следовательно и общественных заведений.

XIII. Невозможно определить, на каком основании совершился раздел земель, подвергшихся раздроблению, на малые участки. Право владения определено, или лучше сказать, укреплено за владельцами несомненно, и переход наследства из рода в род бесспорный.

Примечание. Обычай или *адат* не определяет срока времени, по прошествии которого всякий иск на неправильное владение у многих народов отвергается; напротив, у Натухажцев и Шапсугов старые права принимаются в уважение, от чего рождаются бесконечные тяжбы.

Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов.

Господствующая вера между черкесскими племенами есть магометанская, секты суннитской. Беспоконная и воинская жизнь, которую они постоянно ведут, охлаждает в

них усердие к исполнению обрядов своей веры. Однако-ж, и между ними встречаются примеры строгого исполнения велений Корана, — исполнения доходящего иногда до религиозного фанатизма. Вера Мухаммеда введена между черкесами религиозным усердием Крымских ханов, с которыми они некогда были в тесных сношениях. Из всех племен, населявших северный склон Кавказского хребта, кабардинцы первые приняли веру магометанскую. Впоследствии духовным влиянием турок, занявших крепость Анапу, число поклонников пророка постепенно увеличилось, и ныне ислам совершенно водворился в этой части Кавказа. Надобно, однако-же, из этого числа исключить жителей морского побережья, от Геленджика до м. Хизе, и долин к нему примыкающих: из них немногие только, совместно с дворянами, придерживаются закона пророка, а все прочие остаются без определенного верования, придерживаясь обряда приношения животных в жертву и возлияния (libation). У них нет ни особых строений для молитвы, ни жертвенников; храмом служит им заповедная роща, под открытым небом. Единственный символ предмета поклонения их есть деревянный крест особой формы, в виде буквы Т, прислоненный к дереву, около которого лежат другие подобные кресты, истлевшие от времени. Кроме обрядов, исполняемых при молебствии, черкесы прибрежные имеют верование в единство бога, в бессмертие души и в будущую жизнь, в которой воздастся каждому по делам его земной жизни. По имеющимся об этой стране историческим сведениям известно, что жители ее исповедывали некогда христианство, которое, полагать должно, водворено в ней в X, XI и XII веках¹ и поддержано сначала славянскими князьями Тмутараканскими (Tamatarque), владевшими берегом Воспора Киммерийского и покорившими соседственные с ними племена, а потом влиянием Грузии, процветавшей под управлением сильных царей; в особенности в конце XII века, знаменитой Тамары, при которой вера христианская была проповедуема в самых недоступных местах Кавказа и усердием которой были воздвигаемы там храмы.

И ныне видны развалины храмов христианских во многих местах в стране черкесов (Адыге), по верховьям реки Кубани, в особенности по северному склону от перевала через главный Кавказский хребет в Абхазию, Дорога через этот перевал из долины Дал на реке Кодоре, обитаемой ныне цебельдинцами, служила в древности путем сообщения между южным и северным подножьями Кавказа. Достоин замечания, что ни между верховьями Кубани и Черным морем; ни по берегу от Гагр до Анапы нет развалин, по коим можно-бы заключать, что на этом пространстве существовали христианские храмы. По топографическому положению своему, это пространство всегда было вне влияния чужестранцев, и даже события, разновремененно потрясавшие прочие части Кавказа, не оставили в нем никаких следов.

Южнее, в Абхазии опять видны развалины многих храмов, из коих один, Пицундский, устоял против разрушительного влияния времени и довольно хорошо сохранил даже купол свой. При нем, до постройки тут укрепления, находился сторож: так велико было уважение окрестных жителей к этой святыне.

С ослаблением влияния Грузии² на Кавказские племена, христианская вера между ними, от недостатка проповедников и церковных служителей, неизбежно пришла в упадок; а с падением Восточной империи и с появлением вместо оной владычества турок, все морское побережье впало во мрак невежества и варварства. Время довершило уничтожение остатков христианства, которые слившись с мифами древних греков, послужили основою теперешних религиозных обрядов жителей восточных берегов Черного моря.

Постараюсь изложить эти обряды и те божества, в честь коих они совершаются, — изложить в том виде, в каком я их видел сам или узнал от стариков, исправлявших в торжественные дни должности жрецов.

¹ Фанагория около XI века и Пантикапея в XV веке имели своих епископов. В ту-же эпоху, на другой оконечности берега процветала духовная метрополия онога - Пицунда.

² XI и XII в. были самою блестящею эпохою ее при царях абхазо-карталинских.

Созерис считается божеством — покровителем хлебопашцев. Пришествия его горцы ожидают и празднуют его ежегодно в декабре, в одно время с нашим праздником рождества Христова. К этому времени вносится в дом сук о семи ветвях известного дерева, называемого *Гамихут*; к ветвям прикрепляются свечи из желтого воска, пирожки и кусочки сыра. В ожидании сказанного пришествия, мужчины, сняв шапки, произносят известные формулы молитв. В каждом доме имеются полочки, на которых хранятся куски желтого воска для этого употребления, а под полочками, висят деревянные сосуды, назначенные исключительно для возлияния. *Созериса* почитают мореплавателем и прибытия его ожидают морем. Есть еще поверье, что он отправился от берега по волнам моря пешком и точно так-же, пешком, возвратится. По однозвучию имен и по историческим преданиям, в которых упоминается (у Геродота) о колонии египтян, пришедших в Колхиду задолго до занятия берегов Черного моря греками. Созерис ли есть-ли Озерис? Замечательно, что и во многих странах Европы есть обычай ставить накануне рождества Христова елки, украшенные разными подарками для детей; не относится-ли он к первым векам христианства?

Ахин считается покровителем рогатого скота. И ныне существует фамилия именуемая *Тгахуахо*, в переводе «пастух божий»³, которая в известное время приводит в заповедную рощу корову и привязывает там к ее рогам кусок хлеба и кусок сыра. Окрестные жители толпою сопровождают ее в рощу и закалывают там; она и называется: ахинова корова, *Ахин* и *Чеме тлерекуо*. Надобно заметить, что тело ее для снятия кожи и раздела на части, переносят в другое место, потом, для варки в приготовленных котлах, опять на другое и, наконец, сваренным уже, приносится на место пиршества. При каждом таком перенесении, присутствующие, сняв шапки и взявшись за руки, пляшут в круговую (*une ronde*), с напевом, присвоенным такого рода торжеству.

Есть между горцами поверие, что в старину, когда приближался праздник *Ахина*, одна из коров стада семейства *Тгахуахо* ревом и другими приметами указывала, что она назначена в жертву, и сама отправлялась в заповедную рощу, отчего и прозывается *тлерекуо*, т.е. ходячею.

Как все это ни баснословно, но тем не менее справедливо, что такие жертвоприношения совершаются и поныне исключительно у горцев, живущих по морскому побережью. Еще замечательно верование горцев, что ноги *Ахина* имеют раздвоенные копыта. Ясно, что *Ахин* есть Пан древних греков.

Зейгутх — покровитель наездников. Его призывают на помощь перед набегам и дальними наездами. Ему не усваивают никаких особых примет: вероятно предание о том изгладилось. Может быть, это Марс?

Мезитх — божество лесов, которого молят о счастливом успехе охоты. Горцы представляют себе его едущим верхом на кабане, у которого золотая щетина. По его мановению олени и лоси собираются в лесах и тогда девушки доят самок их.

Емишь — покровитель овец. Его празднуют в день впуска баранов в стада.

Тлепс — покровитель кузнецов. Он весьма уважаем в народе, так что имя его произносится и теперь в роде клятвы или божбы. Празднуют его весною, делая, во время моления, возлияния на железе плуга (лемеше) и на топоре, и, по совершении обрядов, придаваясь забавам, из коих главная — стрельба из винтовок в цель, преимущественно в яйцо, поставленное на видном месте. Над ранеными оружием поют песни, в которых призывается помощь Тлепса к излечению страждущего. Есть также поверие, что Тлепс был ремеслом кузнец, которого память, за святость его жизни, осталась в уважении потомства. В известном лесу показывают могилу в которой лежат бранные его останки. Не Вулкан-ли это?

---

³ С этою фамилиею состоят в родстве следующие: Екуас, Синепс, Горказ и Харуп, которые искони не употребляют в пищу ни говядину, ни птиц, ни яиц.

Хепегуаиш, в переводе «дева вод морских». Празднуется ежегодно летом, у берега моря, где, после обыкновенных молебственных обрядов, в заключение пляшут круговую. Не Няда-ли это?

Псегуаиш — дева вод речных. К ней прибегают с молением о дожде, большею частью весною. В таких случаях, молодые люди обоего пола обливают друг друга водою и, в виде забавы, плещутся в воде до тех пор, пока не наскучит.

Хятегуаиш — дева покровительница садов, вроде греческой Помоны.

Глохумиших и Шеберис — упоминаются во время молебствия, вслед за Созерисом. Так как им не приписывают никаких особых качеств, то можно полагать, что это суть второстепенные божества свиты Созериса или, просто, прикладные имена его.

Хакустаиш. Натухажцы и Шапсуги почитают его своим гением хранителем, а также покровителем волов пахотных. Еще и теперь зажиточные семейства посвящают ему одного из этих животных, которого не употребляют уже ни в какую работу и который носит, в таком случае, название вола Хакусташа. Одно из поколений народа Шапсугского, именно Кoble, почитает его своим заступником. В такой-же чести *Тугуплоху* у поколения Надхо и *Тугузитха* у поколения Нетахо, принадлежащих к народу Натухажскому.

Кодес. Горцы представляют его себе в виде рыбы и приписывают ему силу, удерживающую море в пределах берегов. Очевидно, это греческий Нептун.

Пишиане, Тгахалейк и Тгакофешу — суть божества домашние (Penates, lares). Название последнего в переводе значит: «посланец бога»; — должно быть Меркурий. Празднество в честь их называется *Джегупе-таха*, т.е. праздник очага (du foyer). Следующие праздники носят следы христианства:

Мерием — покровительница пчеловодства. В молитвах своих к ней горцы величают ее матерью великого бога, *Мерием тгаишуо и ян*. Нет сомнения, что эта *Мерием* есть Мария, как потому, что ее величают божьей матерью, так и по созвучию имен Марии и Мерием. Празднуют ее в августе, около нашего успеньего дня. По снятии хлебов с полей, в особенности если урожай вознаграждает труды земледельца, первое празднество в честь *Мерием* есть только начало длинного ряда других празднеств, возобновляющихся всякий вечер с плясками, пока не обойдены будут жители всей долины или прихода — *тгаханха*.

Итлес, — в буквальном смысле значит «год», и соответствует нашему новому году, потому что всегда празднуется в зимние месяцы.

Кутиш. Празднуется обыкновенно раннею весною, в соответствии нашей св. пасхе. Перед праздником, две недели воздерживаются от употребления яиц в пищу; в праздник-же, яйца составляют непременно принадлежность стола.

Ллеумёшхе и Коаяште — праздники, наблюдаемые ежегодно раннею весною, один вслед за другим с небольшим промежутком времени. Первое слово в буквальном смысле значит «не ешь мяса»; второе значит: «взятие сыра». Судя по таковому смыслу названий и по периодическому возвращению сих праздников ежегодно, всегда весной в одну пору, можно считать их мясопустом и сыропустом православной церкви. В это время у горцев непременно подаются пирожки, начиненные сыром; по вечерам-же молодежь для потехи наряжает чучело или куклу в какойнибудь странный костюм. Это некоторым образом напоминает наши маскарады и переряживания. Забава эта и при ней непременно пляски носят название *дадеуйг*. Трудно и почти невозможно собрать все разные поверья, существующие у горцев и происшедшие от смешения идей, принесенных к ним христианством и, затем, магометанством, с предрассудками, оставшимися от времени язычества и идолопоклонства. Скажу о более разительных и примечательных.

К числу второстепенных мифов, уважаемых горцами, принадлежат *Нарты*, из коих они особенно отличают *Саузержука*. В честь его, в один из зимних месяцев, приготавливаются яства, коих часть откладывается и ставится в отдельном доме для заезжего; в конюшне-же для его лошади припасены сено и овес и постлана в стойле солома. *Саузержук* не является, но приезжает гость заезжий, который его заменяет. Появление гостя почитается добрым

предзнаменованием и придает празднеству более веселости. Если-б и никто не заехал, то все таки пируют одни хозяева дома с друзьями и соседями. Замечательно, что в песнях, которые поются при этом, упоминается о земле или стране урусов. *Урусами* называют русских; но из смысла песни никак того вывести невозможно. Таким образом, гостеприимство смешано с религиозными понятиями, любовью к родине и старыми предрассудками, есть характеристическая черта нравов горцев, препятствующая и поныне окончательному водворению у них исламизма. Надобно заметить, что со времен принятия закона Мухамеда всеми племенами черкесскими (за исключением жителей морского побережья), к числу народов причислены наездники и герои легенд аравитян. К предрассудкам черкесов надобно прибавить страх и уважение к грому: для того, кто убит громом, смерть такая считается блаженством и его придают земле на том самом месте, где он убит. Замечательно, что в торжественных напевах в подобных случаях, часто повторяются имена *Шибле* (гром) и *Алин* (искаженное имя Ильи).

Из записанного видно, что жители морского побережья и горных ущелий, отчасти происхождения Натухажского, Шапсугского и даже Абадзехского, не имеют определенных религиозных понятий, но веруют, однако, в единство высшего существа, создателя вселенной. Символ креста, видимый во всех заповедных рощах и лесах, есть ясный указатель, что вера христианская была водворена между горцами, не столько силами оружия, сколько моральным влиянием сильного народа, с которым они были в частых сношениях, ибо, судя по орографическому характеру страны их, невероятно, чтобы завоеватель, мог когда либо проникнуть в неприступные горы этой части Кавказа.

Что христианская вера водворена у них царями грузинскими, то это подтверждается названием *джур*, даваемым черкесами кресту. Слово *джур* ясно показывает происхождение свое от грузинского *джвари*, крест. Равным образом, имена дней недельных указывают, что эти народы принадлежали к православной церкви; так: среду они называют – *бираскезий*, соответственные празднику или причине сходбища. Молитвы сии большею частью состоят в испрошении благ земных, урожая, дождя, избавления от повальных болезней, нашествия врагов и, вообще, всяких других бедствий. После молитвы он приступает к закланию приносимых в жертву барана, козла, коровы или быка: берет одну из зажженных восковых свечей, прилепленных к кресту, воском ее натирают волосы на лбу жертвы, затем совершает возлияние над головой ее приготовленным на этот предмет напитком, бузою¹, и тут же закалывает ее. Как видно, древний обычай жертвоприношений не изгладился влиянием христианства. Далее, жрец берет в одну руку маленький пирожок или лепешку, а в другую деревянный точеный сосуд, вроде большой рюмки, наполненный бузою и, воздымая все это к небу, вновь молится. По окончании молитвы, он подносит пирожок этот и сосуд к старшему из присутствующих, а несколько других чаш и пирожков отсылает к другим присутствующим, которые потом передают их друг другу. Окончив таким образом обряд моления, жрец объявляет о следующем, ближайшем празднестве и назначает день, когда и куда именно собираться для того. При этих случаях делаются также объявления, к общему сведению, по общественным делам, о найденных или пропавших вещах, и подобным тому. — Торжества эти носят общее наименование *тгаха*. Странно, что нечто подобное существует между татарами южной Сибири², где праздники называются *тахтах*. Замечательны сходством и созвучием эти два наименования.

Означенному торжеству впрочем еще не конец. Голову принесенного в жертву животного насаживают на длинный шест, утвержденного в земле неподалеку от креста; кожу жрец берет себе, а мясо готовится тут же для пиршества. Во всем этом наблюдаются старые обычаи с неизменною точностью, как будто они определены канонами. Во время приготовления яств, старики и старухи, взявшись за руки, составляют круг и с особым напевом открывают пляску. Их вскоре сменяют молодые люди обою пола и веселость

¹ Буза готовится из проса ив нее после брожения подбавляют меду

² См. журнал М.В. Д. 1847г., июнь.

делается всеобщую. За пляской следует пир. Кроме изготовленного мяса, каждое семейство обязано принести столик, на котором положены *паста* (круто отваренное пшено или гомя); тщательнее обыкновенного приготовленная, пирожки с сыром и прочее. Столики эти небольшого размера, такого, что кругом каждого могут усесться человека 4 или 5, не более. Пирующие садятся на земле, на подосланные ветви и древесные листья, поджав ноги; садятся, впрочем, только старшие, главы семейств. Не случилось мне видеть при этом отвратительного зрелища пьяных, хотя напитки их — мед и буза - хмельны и могут при неумеренном употреблении, произвести опьянение. Молодые люди не участвуют в пиршестве; они довольствуются остатками от стола, и во все время пира прислуживают старшим, разнося им яства и напитки. Женщины и девушки, во время пиршества, составляют отдельные кружки и стараются скрыть от мужчин, что едят: девушки скорее согласятся остаться голодными, чем допустить видеть себя жующими.

Есть празднества, в которых женщины не участвуют, и тогда плясок нет. Иные же совершаются дома, в кругу семейном.

У горцев существует еще обычай прыгать через огонь, как у русских на Ивана Купала. Это бывает летом. Прыгающие через огонь просят *Мерием* о прощении грехов, и после этого почитают себя уже очищенными от них.

Жители морского побережья представляли до сих пор редкий пример постоянства в своих обычаях и привязанности к прежним повериям и обрядам. Но с некоторого времени стало превозмогать между ними магометанство, которое давно исповедуется дворянством.

Пренебрежение и насмешки, которыми дворяне и жители равнин осыпают своих отсталых собратьев за их старые религиозные обряды, если не искореняют сих последних, то сильно ослабляют. Обряды эти поддерживаются лишь на южном склоне хребта, и в 20 годах были еще семейства, употреблявшие в пищу свиное мясо, хотя неявно. У жителей равнин кубанских и предгорий стоят везде мечети, населеннее разделено на джемгаты, прежний быт предков уже забыт, а между кабардинцами и не подозревают его, так что рассказы о былом представляются им невероятною сказкою.

Несмотря на причины, содействующие упадку старых обрядов, одно обстоятельство противоборствует еще скорому их падению, именно — недоступность края, сохранявшая его от всякого внешнего вторжения; даже во время внутренних потрясений никогда он не был театром действия. Он вообще мало посещается и между жителями его заметна грубость нравов, даже языка. Итак, оправдывается давнее замечание, что жители равнин вообще более образованы и нравами мягче, чем жители стран горных.

Я выше сказал, что черкесы питают почтение к грому, именуя его *шибле*. Опишу обряд, совершенный в присутствии моем над тремя козами, убитыми громом.

В один день, летом, я отправился из дома кунака моего Иендарко Магомета, с несколькими спутниками вверх по долине Дуаб. Было ясно; только на вершинах хребта виднелись тучи. Мало-по-малу они растянулись и заволокли все небо, пошел дождь, сначала небольшой, а потом сильный. Бурки у меня не было, а потому я должен был искать убежища в ближайшем ауле. Вскоре послышался раскат грома и последовало несколько сильных ударов. Гроза, однако, скоро прошла, небо прояснилось и мы опять пустились в путь. Проехав несколько верст мы увидели группу людей обоего пола и разных возрастов, выходящую из небольшого ущелья, притыкающего к долине. Подъехав к ней, мы узнали причину ее сходбища: мы увидели 3-х коз, только что пораженных громом. Нас пригласили остановиться, в чем, по обычаю, нельзя было отказать, чтобы не обидеть, тем более — что-то были все люди знакомые. Около коз составилась круг и началась обычная ляска с напевом, в котором часто повторялись слова: *шибле и ялий* (Илья). Между тем несколько человек отправились в лес, нарубили жердей и кольев, устроили из них на 4-х столбах довольно высокий помост, уложили на нем коз и накрыли их листьями. Помост делается высокий для того, чтобы укрыть трупы коз от хищных зверей. В то время, как они устраивали помост,

другие успели сходить в аул и принести оттуда разных съестных припасов, в том числе и несколько живых коз. Эти последние тут же были принесены в жертву, с обрядом возлияния, а головы их надеты на высокие шесты, воткнутые в землю около помостов. Вся эта процедура называется *шибласха*. Устроенного помоста, кольев и коз никто не трогает, и все это остается до совершенного разрушения и истления. Нечто подобное существует и у осетин, где, в день пророка Ильи, также насаживается на шест козлиная голова¹. Пока готовились яства и варилась паста, заменяющая хлеб, молодежь обоюго пола плясала с рвением; веселость и одушевление были общие. Когда все было изготовлено, нас накормили, и только тогда отпустили в путь. Пир, между тем, продолжался до вечера и должен был, по обычаю, повториться еще в следующие два дня.

Когда гром убивает человека, то его хоронят на том же месте где он убит и вместо трех дней пируют семь, сряду, ибо приписывают событию мысль блаженства.

Неподалеку от места жительства моего в долине Пшад, стояло большое дерево, в которое некогда ударил гром. Дереву этому приписывали симпатическое свойство исцелять лихорадки: страждущий приходил или приезжал к нему с запасом приношений, большею частью пирожков, которые тут же и съедались приехавшими с больным; перед отъездом они зашивали кусочек этого дерева в лоскуток материи и надевали больному на шею, чтоб он носил его постоянно; остальная часть той же материи привешивалась к ветвям, вроде приношения. Дерево, все было увешано подобными приношениями.

Суеверие это общее наследие в роде человеческого, существует и у черкесов, хотя из него не выработалось у них, как у древних римлян, систематическая гадательная наука. Между ними существует также фатализм древних греков, — убеждение, что никто не может избежать судьбы своей. Сверх того, они легковерны и полагают, что есть дни счастливые и несчастные, что существуют злые духи, привидения, домовые и что есть даже места, где эти духи, приведения и домовые имеют пребывание. Многие уверяют, что они их видели и с большим трудом могли от них скрыться. У них есть также убеждение, предчувствие и верование в чародейство и во сны.

Черкесы, как и другие народы, имеют своих гадателей, или, лучше, гадальщиц, потому что гаданьем занимаются обыкновенно старухи, не делая из него однако, ремесла, а побуждаясь, только желанием прислужить тому, кто прибегает за этим утешением. Чаше же всего прибегают к ним за оным несчастные влюбленные. Старуха гадает, в таких случаях, на нескольких зернах фасоли (турецкий боб) с одним камешком.

Гадание у всех черкесов производится по лопатке (*os huniera*) домашнего животного, барана, например, или козы. Всматриваясь на свет в эту кость, предугадывают, по животным линиям, в них находимым, хороший или дурной урожай, дождь или засуху, холод, суровую зиму, войну и, вообще, всякого рода благополучие или бедствие. Есть в этом роде гадания нечто основательное, конечно до некоторой степени; в наших странах старые, опытные охотники по костям дичи предугадывают же будет ли зима слабая или суровая. Горцы приписывают лопатке все вещания и приводят в подкрепление того следующий рассказ: один черкесский князек ночевал в соседнем ауле и после ужина, всматриваясь в лопатку барана, с которой за ужином очистил мясо, сказал присутствующим, что в эту ночь им нужно приготовиться к тревоге. И действительно — так гласит легенда, аул был атакован неприятельскою партией, которая благодаря предупреждению гостя, была удачно отражена. Вот еще другого рода легенда. Два брата гостили в соседнем ауле, у одного доброго своего приятеля. Раз старший из них пошел к другим знакомым в ауле и задержан был где-то на ужин. Возвратившись после ужина в дом приятеля, он не нашел там брата, и когда спросил о нем, то ему сказали, что он во время ужина смотрел в лопатку — и, вставши из-за стола, оседлал свою лошадь и поспешно уехал, не объявив куда. Услышав это, старший брат потребовал эту самую лопатку, посмотрел в нее, улыбнулся и сказал: брат мой увидел, что с женою его сидит

---

¹ Dubois de Montpereux: Voyage autour du Caucase, Livr IV. pag. 447.

наедине мужчина, но не рассмотрел, что мужчина этот родной младший брат ее. Присутствующие, изумление его искусством, захотели проверить правду ли он говорит и послали узнать об этом нарочного верхового. Нарочный, возвратясь, привез известие, что сказанное гостем совершенно справедливо.

Страх, наводимый мнимыми колдунами и ведьмами, бывает поводом гонений на них, по обвинению пред богом и людьми в нарушении общественного спокойствия и благополучия. Понятия черкесов в этом отношении таковы, что, по мнению их, есть люди, из обоего пола, которые имеют сношения с нечистым духом и посредством его приобретают способность превращаться в волков, собак, кошек и даже делаться невидимками, кода пожелают. Таких людей они называют *удде* и приписывают им изнурительные детские болезни, заразу и падеж на скот, объясняя, что эти беды происходят от вредного влияния их глаз. Их же обвиняют в истреблении и собственных детей своих. Так точно некогда, особенно в конце XII столетия, в западной Европе закон признавал чародеев виновными в отступничестве от бога.

Между черкесами существует поверие, что удды весною, в известную ночь, собираются на вершине горы, называемой *Себеркуасха*¹, приезжая туда верхом на животных всякого рода, как домашних, так и диких. Ночь проводят они в пиршестве и плясках а перед рассветом, схватив мешки, в коих у них содержатся все блага земные, а у других все вредное человечеству, в том числе и болезни, разлетаются по домам своим. Те из *уддов*, которым мешка не досталось, гонятся за другими, стараясь отнять у них оные. Таким образом, все болезни, коими страдает человечество весною, приписывается *уддам*.

Было время, когда мнимые удды подвергались частым гонениям, всяким обидам, даже пытке. Были семейства, называемые *цысые*, т.е. знахарь, которым приписывали дар узнавать чародеев. Когда предполагали, что болезни или другого рода страдания в околке причинялись чародеями, то призывали знахаря и представляли ему подозреваемых в чародействе; а тот, по внимательном осмотре обвиняемых, указывал на виновных и отпускал признаваемых им невиновными. Таким образом, если обличенные в чародействе не признавались пред обществом в грехе своем, то их подвергали пытке, секли, сажали связанных между двух пылающих костров, и заставляли съесть кусок печенки, вынутой из убитой нарочно для этого черной, без малейшего пятнышка, собаки и зажаренной. Бедные жертвы, терзаемые подобными мучениями, принуждены были сознаваться в том, в чем их обвиняли; а как жаренная печенка производила в них тошноту, то народ и оставался в убеждении, что они изрыгают все зло, ими причиненное и в них скрывавшееся. Уничтожив таким образом в виновном чары и взяв с них клятву навсегда бросить сношения с нечистым духом, освобождали его.

Теперь подобные расправы стали очень редки, однакож, не совершенно искоренились. Находясь в 1836 году в Екатеринодаре, я узнал, что у соседственного народа хамышейцев, коих аулы видны за Кубанью, умы были встревожены от появления разных болезней, приписываемых *уддам*, что был вызван *цысые* и что инквизиционная комиссия переходила из аула в аул для розыскания виновных. Во время пребывания моего в горах, я знал одно семейство, которого род был *цысые*, и находился с ним в сношениях. Оно и до сих пор проживает в приморской долине Бзид, прозывается *Хутиноко* и принадлежит к поколению Тлечас.

Можно соболезновать о таком заблуждении черкесов, но нельзя и удивляться ему, когда мы видим из истории, что Парижский университет в 1293 году давал наставления к рассмотрению дел о чародействах, жалуясь на размножение их числа, и инквизитор Реми сознавался, что в продолжении 15 лет инквизиторства своего, он подписал 900 приговоров против лиц, изобличенных в чародействе.

---

¹ Гора этого имени (на картах Собер-оаш) находится в земле Шапсугов, в верховьях речки Убин, в одном из отрогов, отделяющихся от главного Кавказского хребта. Она замечательна по своей высоте, резко отличаясь от прочих возвышенностей и видна издалека.

С того времени, как черкесы приняли закон Магомета, хотя и водворился новый род идеи между ними, но не совершенно забыты и прежде существовавшие предрассудки. В особенности в полной силе существует убеждение в вредном влиянии дурного глаза. Черкесы утверждают, что есть семейства, у которых дурной глаз родовой и передается из поколения в поколение. Для предохранения себя от такого влияния, у черкесов магометан существует обыкновение носить на себе, навешивать на детей и привязывать к уздам любимых лошадей стихи Корана, зашитые в кусочек сафьяна; а в старину стихи корана заменялись кусочком дерева, в которое, ударила молния.

У черкесов есть еще предрассудок, что колокольчик спасает от воровства. Оставляя в поле, вдали от жилья и без присмотра, какой-нибудь предмет, они привешивают к нему колокольчик и уже думают, что никто его не похитит. Надобно полагать, что, в былое время, навешиванием колокола ограждалось церковное имущество от посягательства на оно.

Учреждения и народные обычаи Шапсугов и Натухажцев.

У Шапсугов и Натухажцев нет особо устроенных, постоянных судов¹. Правосудие предоставлено частным лицам. Преступники преследует одно только чувство личного оскорбления. Преступники требуются к суду только по настояниям обиженного. Исходя в деле своего суда из такого недостаточного основания, горцы, конечно не могли оградить себя от анархии. Мы постараемся в надлежащей точности изложить все относящиеся сюда подробности.

Взаимная присяга выборных представителей от общин, составляющих описываемые племена служит для всех и каждого обязательством не делать ничего во вред и безсчастие Союзу и кончать со взаимною справедливостью все могущие возникнуть между членами различных общин споры. На этом основании каждый раз, когда обвиняемый требуется обвинителем, или обиженным к ответу, то он должен предстать пред собранием выборных представителей; тогда лица эти, уже в качестве судей, имеют право делать приговор и определять взыскание пени, которая должна быть уплачена виновным обиженному в справедливое удовлетворение и возмездие.

Судьи избираются в числе соразмерном с важностью дела, но не иначе, как с обоюдного согласия обеих спорящих сторон. Приступая к разбору, они разделяются на две части и располагаются двумя отдельными кружками на таком расстоянии, чтобы не было слышно в одном о чем рассуждают и разговаривают в другом. Они называются *тааркохьясь*² что в переводе значит — присяжный. Из них же избираются два лица, по одному для каждой стороны, вроде адвокатов-руководителей, называемых *тлукуо*. Здесь я считаю уместным заявить в качестве неоднократного свидетеля о том замечательном превосходстве горцев, которое проявляется в легкости, даже, можно сказать, красноречии изложения мыслей, во вражденной способности их вести правильные прения, к которым имеют большую привычку. Адвокаты-руководители выслушивают жалобу и доводы обвинителей, передают содержание их объяснений обвиняемому и таким образом переходят от одного кружка к другому до тех пор, пока судьи не узнают вполне сущности и подробностей дела. Затем судьи обеих спорящих сторон сходятся в общую группу, чтобы выслушать показания свидетелей без присяги, или под присягою, смотря по важности тяжбы. Свидетелями могут быть только люди известные своею честностью и хорошим поведением. По выслушании свидетелей все посторонние лица удаляются;

¹ Сведения эти относятся ко времени, предшествовавшему Восточной войне. В последнее время и у Натухажцев, и у Шапсугов суд происходил в особом мегкеме.

² Все черкесские слова в рукописи автором написаны русскими буквами, поэтому можно ручаться за их верность.

Законодательный съезд черкесов в местности Геч в период 1837-1839 гг.

судьи, оставшись одни, определяют приговор, имеющий силу окончательного судебного постановления и уже никакой апелляции не подлежащий. Прежде объявления решения обвинитель и обвиняемый дают присягу: первый в том, что обязывается забыть всякое чувство неприязни к обвиняемому, а второй в том, что обязывается беспрекословно подчиниться требованиям состоявшегося приговора и не позволять себе уклоняться от должного его исполнения. Что бы больше упрочить взаимную связь налагаемых обязательств, берется и от истца и от ответчиков по одному присяжному поручителю, отвечающему за поведение каждого. Весьма редко случается, чтобы после этого ответчик или осужденный изъявил свое неудовольствие, или несогласие на решение.

Так как по большей части и в наказание, и в удовлетворение определяется пеня, то всегда назначается срок ее уплаты. Пеня уплачивается не иначе, как в присутствии лиц, участвовавших в суде в качестве адвокатов-руководителей, а в делах большой важности, даже в присутствии двух судей. Эти люди служат посредниками для определения стоимости вещей, предъявляемых к платежу, а также для решения, по какому именно счету должны быть вещи приняты. Об счете этом будет объяснено ниже.

Однако есть и смертная казнь; она определяется по суду в таких случаях, когда преступник, уже несколько раз сряду прежде нарушавший присягу и установленные правила, признается неисправимым. Так как община и родственники виновного отвечают за него и уплачивают часть пени, на него налагаемой, а в случае его несостоятельности, платят всю сполна, то, когда тяжесть подобных последовательных, значительных издержек делается наконец невыносимой, преступника объявляют исключенным из общины, лишенным покровительства законов и всяких прав. Человек, о котором такое объявление сделано, называется *психядзь*. Если он не успеет тотчас после объявления скрыться бегством, то схватывается, заковывается в кандалы, привязывается к дереву и убивается из огнестрельного оружия. Однако никто из своих не поднимет на него руки. Обыкновенно заставляют какого-нибудь раба сделать смертельный выстрел. Чаще же всего такого преступника бросают в воду, привязав ему на шею камень. Отсюда и произошло название *психядзь*, означающее слово в слово — «брошенный в воду». Также иногда продают таких преступников в неволю туркам, который по большей части всех туземных невольников вывозят в Египет и перепродают тамошним беям.

У горцев, по отсутствию грамотности, все житейские сделки совершаются словесным порядком; потому при судебном разбирательстве, по большей части, весьма трудно найти доказательства, достаточные для определения справедливости претензии. При отсутствии ответственности за показания ложные, всякий может смело лгать и давать извортливые ответы. Особенно затруднительно положение судей, когда дело доходит до фактического удостоверения. В таких случаях за неимением ясных улик обвиняемый призывается к

очистительной присяге, и даже может предложить ее сам для своего оправдания. Произнеся клятву в своей невинности, он без дальнейших формальностей освобождается от всякой ответственности. Но так как подобный способ оправдания для многих, кому не страшна ложная присяга, может послужить обеспечением безнаказанности, то в отвращение сего требуется, чтобы оправдывающийся являлся к присяге с известным числом свидетелей безукоризненного поведения. Они с своей стороны для придания большего веса присяги клянутся, что верят всему сказанному обвиняемым. Этот род свидетельства называется *таурко-шес* — «ручательство за верность присяги». Число свидетелей соразмеряется с важностью иска и значением преступления.

Для доказательства виновности ответчика необходима присяга, по крайней мере, двух свидетелей. К присяге не допускаются: родственники, как обвиняемого, так и обвинителя и те посторонние лица, которые или живут вместе, под одною кровлею с представителями спора, или участвуют с ними, в пользовании общим имуществом.

Если ответчик по истечении определенного судебным решением срока будет уклоняться, — что бывает весьма часто, — от исполнения обязательства, к которому приговорен, то в этом случае он понуждается только одним истцом. Понудительные меры оригинальны не менее самой судебной расправы. Обиженный считает себя обязанным беспокоить ответчика всеми возможными средствами, какие сочтет достаточно действительными, чтобы ускорить уплату следующей ему пени. Он вправе захватывать самовластно всякое имущество, его должнику принадлежащее. Один из общеупотребительнейших приемов понуждения состоит в том, чтобы увести у ответчика одну, или несколько штук скота, но оставить при этом особенный знак, обыкновенно палку воткнутую в землю близ жилья или даже в самом его дворе. Это средство понуждения называется *такго*. Оно повторяется до тех пор, пока должник не выйдет из терпения и не станет, чтобы избавиться от постоянных тревог и опасений, засылать посредников. Весьма часто, когда такое постороннее вмешательство состоится, все захваченное возвращается сполна по принадлежности.

Не действует и этот способ, — есть другой, более враждебного свойства. У упрямого должника начинают случаться один за другим поджоги: то сена, то запасов хлеба, то другой движимой собственности, а наконец, и дома. Не иначе, как ночью, когда все спят, делаются подобные понуждения; но всегда, чтобы не подвергнуть хозяина опасности, а только напомнить ему о долге, его будят, предупреждая во время выстрелом, обычным сигналом тревоги. Обращаться таким образом можно, не только с самим неисправным плательщиком, но и с его родными, чтобы заставить и их позаботиться об окончании дела и употребить для этой цели свое родственное влияние. Нетрудно представить себе, какие последствия может иметь исполнение подобной программы понуждений: право каждого употреблять такие способы для своего удовлетворения, порождая новые споры, делается источником запутанных и нескончаемых распрей.

У горцев кровомщение не есть необузданное, неудержимое чувство, в роде вендетты корсиканцев; это скорее обязанность, налагаемая честью, общественным мнением, требованием крови за кровь. Между тем почти вовсе нет примеров убийств, преднамеренных, хладнокровно рассчитанных с целью обобрать труп, или разбойничества, в настоящем смысле этого слова. Вообще убийства весьма редки и считаются необыкновенным происшествием в крае. Этот факт тем значительнее, что у горцев можно было бы ожидать весьма частых убийств, как естественного и неизбежного последствия права каждого самому преследовать оскорбителя и мстить врагу лично.

Самая тяжелая обида, возмущающая душу горца больше, чем убийство родственника, — это — оскорбление, наносимое посягательством на честь родственницы, женщины или девушки, или вообще семейства; подобные случаи почти никогда не оканчиваются примирением, прежде чем позор не будет смыт кровью виновного, или кого-нибудь из его родственников. Обычай требует, чтобы кровный обидчик немедленно по совершении

убийства бросал свой дом и искал убежища и покровительства в чужой общине; он должен сделать это потому, что, если он останется дома, то ответственность за убийство распространяется не только на близких его родственников, но и на других членов его рода и даже на всех людей одной с ним общины. Если он показывается публично, то не иначе, как вооруженный с головы до ног и окруженный свитой. Между тем родственники и друзья его употребляют все усилия, чтобы успокоить раздражительную мстительность родных убитого. Кровный обидчик может, если захочет, остаться дома, но в этом случае, должен выплатить семейству своей жертвы цену раба. Плата эта называется *унеимичипше*. Затем окончательное миролюбивое соглашение может быть достигнуто при помощи посредников, когда они силою убеждения склонят семейство убитого принять в выкуп цену крови, *тловуас*, или если дело идет только о поранении, — согласиться на вознаграждение по определению суда. Нечаянные убийства относятся к разряду умышленных, или вынужденных какою-нибудь причиною. Они оплачиваются тою же ценою крови. Были примеры, что за случайную смерть, причиненную кому-либо домашним животным, вознаграждение требовалось от того, кому животное принадлежит; редко кому удавалось в подобном случае избавиться от уплаты пени. Всегда подышется случай обвинить хозяина и вознаграждение уже определяется сообразно степени его виновности. Таков обычай, его признают справедливым и безропотно ему покоряются. Ясно, что, по господствующим у горцев понятиям, преступность определяется не по качеству морального побуждения, а скорее только по количеству наносимого ущерба. Потому и самое наказание ограничивается вознаграждением вещественным, основанным на простой сделке.

Из вышеизложенного можно заметить, что у Шапсугов и Натухажцев из всех преступлений менее всего было терпимо и строже наказывалось нарушение общественных обязательств. Эти обязательства — уважать неприкосновенность личных и имущественных прав каждого, устанавливались между родами и общинами каждого племени, а иногда между самими племенами взаимною присягою выборных представителей их.

Мы сказали уже о преступлениях против личности; остается говорить о нарушениях права собственности, т.е. воровстве.

Покушение на чужое добро признается воровством, если оно сделано у своих. В этом случае разумеется, не только та же самая община и то же племя, к которым принадлежит вор, но даже чужое племя, если только состоялась с ним присяга жить в добром согласии; так это было между Шапсугами, Натухажцами и Абадзехами. Напротив того, если кто явно промышляет воровством на земле соседей, в отношении которых нет никаких обязательств, то на это занятие смотрят только, как на лучшее средство показать свое удалство и ловкость.

Грабёж и разбой по дорогам у горцев не существует¹ и было бы трудно пускаться на эти предприятия в стране, где каждый носит оружие. Обыкновенное воровство различается, смотря по тому, сделано ли оно: 1) из дому, со взломом дверей, замков и запертых сундуков, или 2) вне жилья, в чистом поле. Воровство со взломом считается более преступным и строже наказывается. Мы несколько раз упоминали о присяге, имеющей большое значение и обширное применение в общественных учреждениях и в судопроизводстве этих народов, потому признаем необходимым описать, как и на чем она приносится.

В прежнее время присягали на посохе, вырубленном в священной роще, называвшейся *кийзехямебзь*, и произносимую клятву начинали словами: «я клянусь тем, кто создал эту ветвь»... Обычай этот существует и у арабов. Но с распространением в крае учения Магомета Коран заменил посох из священной рощи. Однако, может быть, по

---

¹ Впрочем жители одного селения на берегу Черного моря, называемого Тигапс, известны своими разбоями; но и у них оно не доходит до того, чтобы убивали одиноких странников.

сохраняющейся еще привычке, всякий раз, когда надо присягать, коран вешается на простую палку, воткнутую в землю. Надо при этом заметить, что присяга, как и общественные дела вообще, совершается всегда при открытом небе т.е. публично, а не в доме. Присягающий почтительно подходит, дотрагивается рукою до священной книги и начинает присягу словами: «я клянусь этою книгою слова божия»..... кончив клятву, он подносит, книгу к губам и отходит. Этот обряд распространен повсеместно и проник даже туда, где исламизм не успел еще пустить глубоких корней.

Горцы хотя и знали цену монеты, но денег в обращении у них вовсе не было. Потому уголовные пени определялись и уплачивались по расчету общепринятых издревле определенных стоимости. Мы по необходимости оставляем за этими мерами ценности местные названия: *сха*, *цю* и *тооп*.

Сха, как мера уголовной пени, бывает двух родов: — 1) *вуоркесха*— по кровомщению привилегированного класса, и 2) *сха* простая — по кровомщению за простолюдина. Стоимость первого рода больше второго. *Сха* слово значит «голова». Народ (*тфлокотль*) платил пеню высшему классу (*вуорк*) по счету на *вуоркесха*, но следовавшие от него пени получал по счету на простое *сха*. Эта привилегия высшего класса уничтожилась вместе с другими многими, как мы уже имели случай объяснить в нашей статье «О Натухажцах, Шапсугах и Абадзехах»; но *вуоркесха* еще в ходу в высшем классе, между его представителями. Ценности *сха* нельзя определить точным образом. Хорошая кольчуга, шлем, налокотники, шашка, лук, ружье, большой котел из меди и т.п. вещи, если стоят не больше шестидесяти *цю*, или быков и не меньше шестидесяти баранов, то составляют вообще одну *сха*; но смотря по сану лица, за которого платится пеня, размеры этой стоимости (в указанных пределах) бывают различные: в уплате за князя (*пиш*) *сха* считается в шестьдесят-восемьдесят *цю* (быков), за дворянина (*вуорк*) - считается уже меньше, смотря по сановитости рода и доходит наконец до 8 *цю* (быков) в уплате за простолюдина (*тфлокотль*). Всякий предлагаемый предмет по качествам доброты, а больше по ловкости и убедительности посредников оценщиков, может при определении его стоимости составить одну или несколько *сха*.

Цю значит «бык». Плата эта принимается натурою, а также предметами домашнего хозяйства и т.п. вещами по оценке посредников: *цю* равняется 6 *тооп*.

Тооп значит «штука, или отрезок пряжи», достаточный на платье мужское или женское. В число наличной уплаты отдают часто детей обоего пола, рожденных в рабстве. Ребенок должен быть ростом не менее 5 *бже*, т.е. длины раскрытой кисти руки от мизинца до большого пальца (пядь, четверть). Красота лица, стройное телосложение имеют большой вес при определении стоимости мальчика или девочки. Они оцениваются на стоимость *сха*. Обычаи и обязательства, составляющие основные начала гражданского и уголовного права горцев.

1. Убийство человека выкупается уплатой цены крови (*тлоувас*). В прежнее время цена крови была:

За убийство *пиш* (князя) - 100 *сха*.

За убийство *вуорк* (дворянина) – 42,

За убийство *тфлокотль* (простолюдина) - 20,

Счет *сха* за убийство *вуорка* состоял из следующих вещей:

Панцыри - 2

Шлемов - 2

Шашек из сорта, который называется *кияме* - 2

Налокотников - 2 пары

Хороших коней - 2

Ружей - 1 (ценою в 16 быков).

Серебрянный кубок - 1

Быков - 8

Счет за убийство *тфлокотля*:

Рабов - 2

Панцырей - 2

Шлемов - 2

Налокотников - 1 пара

Шашек - 2

Ружей - 2

Лошадей - 2

Итого - 20 *сха*.

Впоследствии цена крови дворянина была назначена в 30 *сха*, а еще позднее цена крови простолюдина возвышена сперва до 28 *сха*, а потом и до 30. По шарияту, повсеместно вошедшему в употребление, цена крови определена в 200 нестельных коров (*чемебгуо*). По общему согласию этот штраф признан равняющимся пени в 30 *сха*.

2. Кто убьет раба, тот не подлежит кровомщению со стороны его хозяина; цены крови не полагается, но оплачивается стоимость убитого.

3. Нанесенные раны, если дело кончилось миролюбивою развязкою осматриваются посредниками и судя по степени вреда, который они причиняют, по величине отверстия и в особенности по повреждению костей, оплачиваются различными пенями, не больше половины цены крови и не меньше ее четверти, если не осталось никакого увечья.

4. Удар пилкою, если его знак остался заметен, вознаграждается уплатою нескольких *сха*. Если следов удара нет, обидчик платит, как и за удар плетью, несколько *цю*. Эта пеня носит особенное название *газюеж* и может считаться платой за бесчестие, которое подает на получивших подобные удары.

В прежнее время удар, нанесенный дворянину (*вуорк*) выкупался пенею в четверть цены крови (*тловуас*).

5. Обида, нанесенная семейству обесчещением женщины или девушки, если дело доходит до миролюбивого соглашения, прежде оплачивалась ценею 15 ценностей *сха* за дворянина (*вуокр*); в настоящее время одна и та же пеня назначается и для дворянина и для простолюдина (*тфлокотль*). Она составляет двадцать четыре головы крупного скота.

В прежнее время муж сам казнил свою преступную жену, — обрезывал ей кончик носа и выгонял. Но уже давно обычай этот потерял свою силу. Бывали примеры, что муж убивал жену, не навлекая на себя кровомщения ее родных и не делаясь несколько ответственным перед ее родственниками. Теперь преступные жены отсылаются обратно в дом родителей. Чаще всего женщины и девушки, впавшие в грех прелюбодеяния, продавались вместе с их незаконнорожденными детьми туркам. Это делалось с тою целью, чтобы как-нибудь придать забвению позор, падающий на их родных и еще по той причине, что для этих женщин нет уже никакой возможности выйти замуж в своем крае.

6. Нет определенного закона для наказания изменников. Собрание народных старшин решает их участь.

7. Совершивший воровство обязан возратить именно то, что украл; если же он не может этого сделать, то вносит плату в 7 раз большую цены украденного. Кроме того он платит штраф в 9 *цю* (быков).

Если воровство совершено со взломом, штраф увеличивается до десяти *цю*, но не больше, собственно в вознаграждение за бесчестие, нанесенное воровством дому. В прежнее время дворянину (*вуорк*) за бесчестие дома платили пятнадцать *сха*, а простолюдину (*тфлокотль*) — семь.

Если *вор* попадает вторично, штраф увеличивается до двадцати четырех *цю*. Но если и после этого не исправится и будет продолжать заниматься воровством, то объявляется *психядзе*, т.е. «лишенным покровительства законов».

8. У дворян (*вуорк*) и простолюдинов (*тфлокотль*) отцовская власть на семейство неограничена. Глава семейства может, не только лишить сына наследства, но просто убить - его без всякой перед кем бы то ни было ответственности. Та же неограниченная власть признается за общиною, которая имеет право жизни и смерти в отношении каждого своего члена.

9. Кто оскорбит гостя, в чьем бы доме тот не был, платит хозяину дома штраф в одну *сха*; в случае убийства гостя платят десять таких цен за бесчестие дома, независимо от цены крови (*тловуас*), следующей родственникам убитого.

10. После смерти отца дети мужского пола наследуют все недвижимое и движимое его имущество. Каждый из них имеет одинаковые права на наследство, которое они делят между собою поровну. Женщине права наследства не предоставлено, однако вдове умершего наследники с общего

согласия предоставляют в пожизненное пользование доход с некоторой части имения; но и оно, после ее смерти, поступает в общий раздел к наследникам. Вдова имеет, кроме того, право выбрать для жительства дом одного из младших своих сыновей, потому что дом умершего мужа ее со всеми принадлежностями переходит в собственность старшего его сына. При дележе наследства раздел на равные доли по числу наследников составляется младшим членом семейства; выбор же долей идет по порядку рождения, начиная со старшего. Между прочим старший в семействе имеет право взять сверх доли ценную вещь по своему выбору, даже раба. Только этим преимуществом и отличается право первородства. Письменных духовных завещаний нет, но последняя воля умирающего исполняется в самой строгой точности; нарушить ее значило бы подвергнуться всеобщему осуждению и презрению.

11. Кто во время боя первый овладеет пленником или чужестранцем, не имеющим в этой земле кунаков, тот и считается полноправным его владельцем. Если этот пленник будет пойман кем-нибудь во время бегства из дома своего господина, то все-таки остается собственностью сего последнего; только поимщику в вознаграждение выдается ценность *цю* (быка). Это такса за поимку беглеца.

12. Невеста составляет неотъемлемую собственность жениха. Если в то время, пока невеста остается еще в родительском доме, она будет кем-нибудь похищена, то жених вправе преследовать похитителя и обязан ему мстить. Подобное оскорбление принадлежит к числу самых нетерпимых обид; в этом случае требования чести обязывают всякого решаться на самые крайние меры для получения удовлетворения. Ссоры этого рода по большей части сопровождаются кровавыми последствиями. Если родители невесты из каких-нибудь личных выгод содействовали ее похищению и это будет доказано, то они лишаются калыма, а невеста принадлежит по праву первому жениху.

13. Отказаться от невесты без причины и без основательного повода значит нанести оскорбление и ей самой и ее семейству. При этом часть калыма, обыкновенно выплачиваемая предварительно женихом, не возвращается и даже он должен в виде пени за отказ дополнить к этой части столько, чтобы составила половина условленного калыма. Калым (или плата выкупа) составляет: за дочь князя (*пиши*) от пятидесяти до ста *сха*, за дочь дворянина (*вуорк*) тридцать *сха*, за дочь простолюдина (*тфлокотль*) двадцать пять *сха*.

14. Если жена бросает мужа, возвращается в родительский дом и отказывается жить с ним, калым должен быть возвращен мужу. Если, напротив того, муж бросает жену по прихоти и без всякой основательной причины, он теряет право получить обратно весь калым сполна: может требовать только одну его половину и лишается на всегда права требовать другую.

Установлением этих правил освещена неприкосновенность обычаев, считающихся по опыту полезными, приличными и необходимыми; но именно в этих то обычаях и гнездились главные причины того насильственного порядка вещей, который долго еще оставался бы во всей своей силе, пока горцы успели бы завести у себя порядки более

прочные и неизменные. Уже сделано было у них в разное время несколько попыток переменить общественное устройство, но ни одна не имела успеха. От безначалия и своеволия, от постоянной тревоги и смятений, господствующих в горах, а еще более от положительного недостатка повиновения общественным властям и вообще при отсутствии администрации, которая пользовалась бы уважением, терпит конечно более всего частная собственность. Не редко беспорядки доходят до того, что делаются невыносимыми, тогда прибегают к чрезвычайной мере, носящей название *эбертаареуо*, в переводе — «повальная присяга».

Почетные старшины всех общин и родов, составляющих племя, делают общий сбор, отправляются в те места, где беспорядков больше, и обходят дома людей подозрительного поведения.

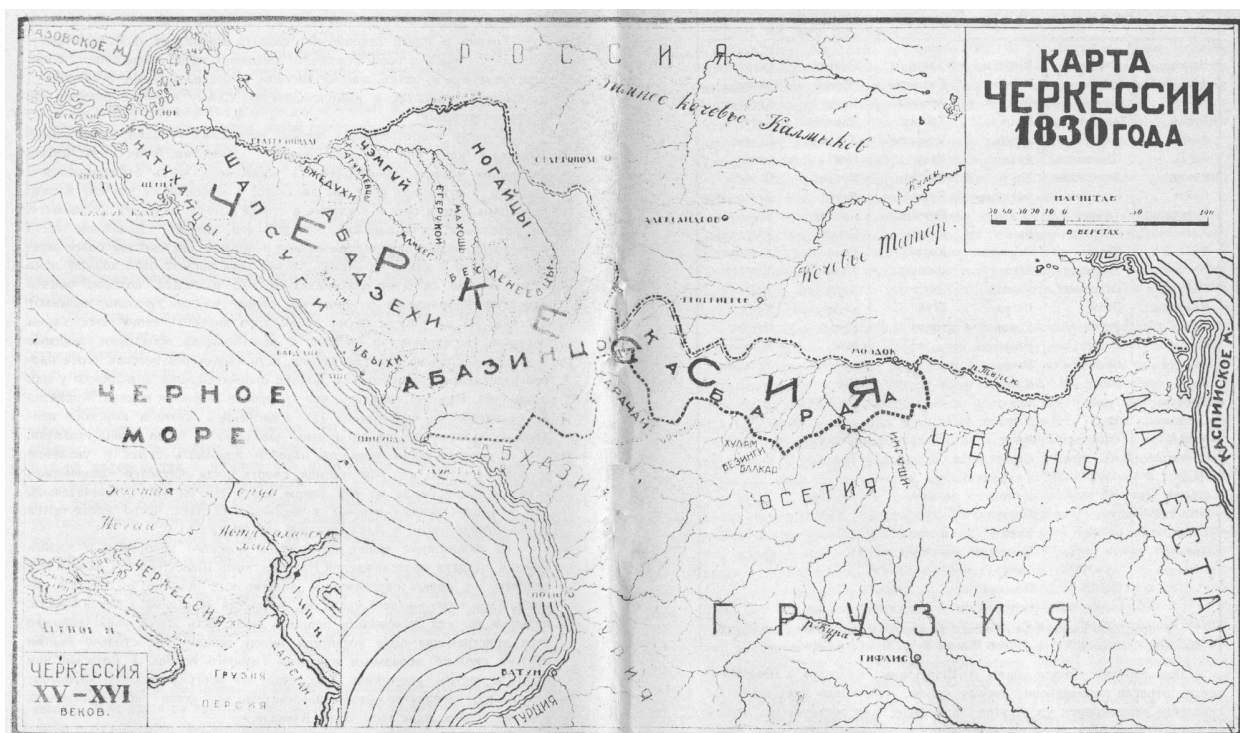
Выставляется Коран, привешенный на палке, воткнутой в землю и, в силу того, что предпринимаемая мера касается пользы общественной, начинается повальная присяга всего населения. Каждый присягает отдельно и формулою клятвы обязывается: «указать всех, какие только ему известны, виновников беспорядка, сознаться вслух в своих собственных преступлениях против установленных правил и обещаться исполнять правила эти на будущее время ненарушимо».

Мера эта оказывалась слишком действительною в отношении людей совестливых; не раз бывали в этих случаях примеры полной откровенности, тем более удивительной и необыкновенной, что за эту откровенность сознавшийся подвергался пеням за все свои преступления, которые без того могли бы навсегда оставаться неизвестными. Впрочем многие при приближении старшин уходят из дома и скрываются. Есть и такие, которые не затрудняются присягать ложно, вопреки всем уликам и подозрениям и объявляют на присяге, что ни в чем невиновны, хотя и принадлежат к числу людей, известных своим дурным поведением. Однако всякий поступавший таким образом, покрывает себя в общественном мнении несмываемым пятном осуждения и приобретает прозвище *тгаансе*, клятвопреступника, или слово в слово — «обманщика перед богом». Мера эта, несмотря на всю свою несостоятельность, по-видимому приносила некоторое облегчение бедственному положению общества. Положительной пользы она приносить, конечно, не могла, но, по крайней мере, она останавливает прогрессивное распространение беспорядков и могла бы быть еще действительнее, если бы не встречала противодействия в некоторых испорченных личностях.

Во всяком случае нельзя не удивляться, каким образом эти общества посреди постоянных столкновений между собою, при непрерывных внутренних раздорах, отстаивали свое существование. Мало того, в массе большинства всегда можно было замечать постоянное стремление к порядку. Без всякого сомнения, основною причиною того и другого было господство старинных обычаев. Переходя из уст в уста, будучи при каждом случае приводимы к слову, применяемы к делу и обращаясь таким образом в кровь и сок своего населения, которое есть свидетель и судья поступков каждой отдельной личности, эти обычаи становятся могущественнее всяких законов. У горцев нет нищих, просящих милостыню, но нет также и людей зажиточных или богатых в полном смысле этого слова. Потому весьма естественно представляется вопрос: каким образом и из какого источника уплачиваются у них судебные пени и в особенности цена крови, составляющая весьма крупную сумму. Вопрос этот разрешается нижеследующим объяснением.

Всякая община, составляя часть племени, представляет семью в большом виде и называется по имени своего родоначальника. Члены этой семьи — общины, считают друг друга такими близкими родственниками, что не допускают между собою брачного родства и сочли бы такой брак просто кровосмешением. Такая большая семья ведет свои дела сообща. Все члены ее оказывают друг другу при всяком затруднительном обстоятельстве нужную защиту и помогают все вместе каждому отдельно. Всякое оскорбление и ущерб, нанесенное одному из его членов, считаются посягательством на благосостояние всей общины и в свою очередь каждый член подлежит ответственности за

свое поведение перед всею общиною. Раз лишившись защиты и покровительства общины, горец не может уже иметь никаких ручательств за свою личную безопасность и жизнь. На этом основании тот, кому нужно платить, получает вспомоществование от своих собратьев по общине. Но как большая часть общин не велика числом людей, состоя только из нескольких семейств, то и мирской сбор с них не может составить достаточной суммы. В таком случае сбор идет и по остальным общинам племени. Иногда он простирается и еще дальше, тогда за вспомоществованиями обращаются к друзьям и знакомым в отдельных племенах. По принятому обычаю, взысканные судебные пени распределяются следующим образом: небольшую часть получают судьи, другая, более значительная, раздается родственникам истца, а за тем остальное, т.е. около трети всей пени, предоставляется его семейству.

Карта Черкессии 1830 года.